

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ДОНЕЦКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК**

ВЫПУСК 11

Донецк 2004

Р.А. Литвиненко

ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА КУЛЬТУРЫ БАБИНО

Введение. В условиях слабой изученности поселений и сравнительной ограниченности инвентаря погребений [37] материальный комплекс культуры Бабино (многоваликовой керамики) выглядит весьма малочисленным. Кроме того, представления о мире вещей этой эпохи, как, впрочем, и других археологических периодов, в значительной мере определяется степенью их сохранности, во многом зависящей от сырья, используемого для изготовления тех или иных предметов. Как известно, к числу недолговечных относятся изделия из дерева, в том числе деревянная посуда, судить о которой мы можем почти исключительно по материалам могильников.

Деревянная посуда из памятников круга Бабино еще не была объектом специального исследования, в отличие, например, от подобной категории изделий срубной культуры [36; 56; 77; 95], хотя заслуживает не меньшего внимания. Вместе с тем, нельзя сказать, что данная тема вообще оказалась вне поля зрения специалистов. Имеется серия работ, посвященных изучению отдельных территориальных групп Бабино, в которых содержится характеристика материальной культуры, в том числе деревянной посуды. Как правило, эти региональные сводки включают не более десятка комплексов, содержащих интересные нас изделия [21, с.46; 22, с.207-208; 80, с.140-141; 85, с.384; 87, с.97-98]. На удивление, единственная «всеукраинская» сводка деревянной посуды по памятникам всей эпохи бронзы, и насчитывающая более 150 находок, содержит перечень лишь 11 комплексов КМК [42; 43, с.145, 174-175]. Представляется, что назрела необходимость систематизации и обобщения соответствующих материалов в пределах всей области Бабино, с целью выявления общекультурной и региональных специфик, а также включения полученных данных, наряду с другими свидетельствами, в систему комплексного источниковедческого анализа с последующим выходом на уровень культурно-исторических интерпретаций и обобщений. Подготовке базы для решения этих задач и посвящена настоящая работа.

Источниковая база. Из имеющегося в нашем распоряжении массива погребений культурного круга Бабино (около 2500 комплексов), по всему ареалу от Нижней Волги до низовий Дуная удалось выделить более полусотни захоронений (около 2%), содержащих остатки деревянной посуды. Список и обобщенная информация о большей части из них приведена в таблице 1. Характеризуя привлекаемую источниковую базу, следует отметить, что вошедшие в нее материалы далеко не равноценны по степени сохранности, документированности, а значит информативности. Кроме того, неравнозначными по полноте и достоверности являются *доступные автору* сведения по интересующим памятникам, в чем можно убедиться при сопоставлении приведенных ниже данных (табл. 1).

Таблица 1. Погребальные комплексы культурного круга Бабино с деревянной посудой (общие сведения).

№	Памятник	страгир. положен.	погребал. сооружен.	пол возраст	ориентац.	бронз скрепы	пряжка	керамика	другой инвентарь	кости животных
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Аксай 1/3	вп ?	яма	Взр. Реб.	3 3	+			+	
2	Кузнецовский-II 1/3 [89]	вп +	яма	Взр.	3	+		ф	+	+
3	Поляков 4/2 [78]	вп -	яма	Взр.	3	+				
4	Чикмари II 1/4	ос +	яма	♀ (?)	В	+			+	+
5	Нижнебараниковка 5/10 [7]	вп +	рам	♂	ЮЗЗ	+	1а		+	+
6	Новодонбасское 1/7 [1]	вп +	рам	Взр	ЮЗЗ	+			+	+
7	Поронские могилы 14/3 [68]	?	?	?	?	+	?	?	?	?
8	Македоново 1/8 [16]	вп +	рам	Взр.	3	+				
9	Лисичанский НПЗ 2/12 [65]	вп +	рам	♂	СЗЗ	+	1а			+
10	Зайцево 1/1 [68]	?	?	?	?	+	?	?	?	?
11	Беева Могила п.3 [70]	ос +	рам	♂	3	+	1а, б	ф	+	+
12	Дибровка 5/4 [50]	ос +			ЮЗ	+				
13	Самойлово 2/6 [101]	ос +	рам		СЗ	+			+	+
14	Новозарьевка 1/2 [75]	ос +	яма		СЗЗ	+			+	
15	Высокое 3/5 [31]	ос +	яма	♀ (?) Реб.	В 3	+			+	
16	Николаевка 1/8 [70]	вп +	рам	♂ (?)	СЗ	+	1а	ф	+	+
17	Волноваха 1/2 [19]	вп -			ЮЗЗ	+				+
18	Новоандреевка 1/1 [19]	ос +	яма		3	+				+
19	Водяное 1/3 [75]	вп +	рам	♀	В	+		ф	+	+
20	Благодатное VI 1/4 [45]	ос +	яма	Вз. ? Реб.?	СЗ СЗ	+				
21	Вербки II 3/8 [22;46]	вп +	яма		СЗ					+
22	Пролетарское ХХХ 3/4 [23]	?	яма		ЮЗЗ					
23	Прядовка V1/6 [20]	вп ?	рам		В	+	4			
24	Прядовка VI 1/1 [25]	вп ?	рам		ЮЗЗ	+			+	
25	Новоподкраж I 1/1 [97]	ос +	рам		ЮЗЗ	+				+
26	Веселое XXII 1/1 [97]	ос +	яма		ЮЗ	+				
27	Александровка I 3/3 [26]	вп +	рам	Вз. ?	СЗЗ	+	2		+	+
28	ш. Павлоградская V 1/6 [27]	вп ?	рам		3	+			+	
29	Новогупаловка III 10/1 [79]	ос +	яма		СЗЗ				+	
30	Новоукраинка II 4/12 [72]	вп +	яма	Вз. ?	СЗ			+		+
31	М. Белозерка 12/2 [63]	?	яма		СЗЗ		4		+	
32	Б. Белозерка 2/5 [63]	?	яма		СЗЗ	+		ф		
33	Новоалександровка 4/1 [64]	?			СЗЗ	+				
34	Новое 11/1 [4]	?	яма	♂ (?)	3	+	1а	+		
35	Боровковка 1/12 [28]	вп -	кол	♂	ЮВ		4'			+

36	Камова могила п.3	[47б]	вп -	пб		ЮВВ				
37	Рыбасово 1/2	[47а]	вп -	пб		В		4		
38	Рыбасово 1/3	[47а]	вп -	пб		ЮВВ			+	+
39	Ремонтирская мог. п.6	[48]	вп +	ящ	♂ (?)	СЗ		1а	+	+
40	Головковка 9/2	[71]	ос +	рам		З		1а		+
41	Павловка 27/2	[99]	вп	яма		В		4		
42	Павловка 27/18	[99]	вп	яма		ЮВВ		4		
43	Павловка 31/1	[99]	вп	пб		СВВ		4		
44	Шарованская мог. 3/2	[53]	вп ?	ящ	♂ (?)	СЗ	+	1а	+	+
45	Новоивановка 1/10	[98]	вп -	пб		В				
46	Новопетровское III/15	[100]	вп -	пб		СВ		3		
47	Ивановка 3/3	[98]	вп +	ящ	♂ (?)	ССЗ	+	1а	+	+
48	Слободка-Романов. п.23	[15]	вп +	ящ	♂	СЗ		1а		+
49	Белолесье 3/1	[80]	вп -			ЮЗ				
50	Кочковатое 28/2	[80;87]	вп -	яма		ЮВ	+	3		

Примечания:

графа 2: в квадратных скобках [1] указан источник информации;

графа 3: вп – впускное; ос – основное; «+» - с насыпью или досыпкой; «-» - без досыпки; «?» - отсутствие информации вообще или о наличии/отсутствии досыпки;

графа 4: кол – колода; пб – подбой; рам – деревянная рама; ящ – каменный ящик;

графа 5: ♀♂ - антропологически определенный пол (женский и мужской); ♀♂(?) – предположительное определение (по признакам обряда и инвентаря);

графа 8: цифрами обозначены типы пряжек (по [35, с.48]);

графа 9: «+» - целый сосуд; ф – фрагменты керамики, в том числе из тризны.

Кроме представленных в таблице, нам известны упоминания еще нескольких бабинских погребений с деревянной посудой, однако без ссылок на источники информации*. Следует также учитывать проблематичность культурной атрибуции отдельных погребальных комплексов из Северо-Западного Причерноморья, привлекаемых в работе: некоторые из них отнесены к бабинским (КМК) авторами раскопок или публикаций лишь предположительно, другие вызвали сомнение у автора настоящей статьи. Число таковых невелико, однако в ряде случаев они могут, так или иначе, влиять на статистику и выводы. Потому к анализу эти спорные комплексы не привлекались**.

Оценивая сохранность деревянных изделий вообще, а посуды из дерева в частности, в погребальных памятниках круга Бабино, как, впрочем, и других культур эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи, можно констатировать, что в подавляющем большинстве случаев она неудовлетворительная. Лишь в единичных

* Из приведенного С.Н. Ляшко [43, с.174-175] списка комплексов КМК пять остались нам недоступны, а потому не привлекались в настоящей работе: Родионовка; Лозоватка 1/1, 4; Водославка 12/17; Лычково 1/7.

** Речь идет, в частности, о комплексах Фрикацей 4/25 [88, с.22-24], Нерушай 9/15 [102, с.21], которые Е.Н. Савва посчитал возможным отнести к КМК, последний предположительно [80, с.140-141]. Небеспочвенность нашего сомнения подтверждается следующим: фрикацейское погребение Л.В. Субботин относит к катакомбной культуре [84, с.71-72; 85, с.373]; нерушайское захоронение атрибутируется В.А. Дергачевым как неопределенное [14, с.20, табл.1]. Кроме того, Л.В. Субботин считает бронзовую пластинку со шпильками из погребения 9/15 у с. Нерушай украшением головного убора, а не оковкой деревянного сосуда [85, с.384].

комплексах в ходе раскопок удалось зафиксировать целые или сравнительно целые формы деревянных сосудов. Чаще всего они сохраняются фрагментарно или даже в виде следов древесного тлена на дне могилы. Нередко на первоначальном присутствии в погребении деревянной посуды намекают лишь металлические элементы их крепления (ремонта) или украшения. Хотя известно, с одной стороны, что металлические детали имел не каждый деревянный сосуд, а с другой, металлическими скобками снабжались и деревянные изделия иных категорий.

Что же касается каких-либо дополнительных данных, например, результатов анализа пород дерева, химического состава или металлографии скоб-прошивок, из которых делалась посуда, то они, к сожалению, также являются редким исключением.

Типология и характеристика изделий.

Технологическое группирование. Учитывая неудовлетворительную сохранность и малочисленность деревянной посуды, довольно сложно дать ее строгую классификацию. Видимо, поэтому в литературе нередко встречаются неудачные примеры группирования смешанного характера, при котором материал разбивается на группы по совершенно разным параметрам (критериям). Такие классификации не являются ни аналитическими, ни синтетическими [см. 18, с.367-368], поскольку ставят в один таксономический ряд типы, выделенные на основе различных признаков: технологических, морфологических, функциональных или др. [сравни: 22, с.207; 43, с.146-147].

Исходя из принципов технологии изготовления и конструирования, деревянную посуду из памятников круга Бабино можно разделить на две группы: 1) сделанная из цельного куска дерева методом вырезания-долбления; 2) собранная из отдельных составных частей с применением различных способов крепления (наборная посуда)**. Как справедливо отмечается в литературе, восстановить технологические приемы изготовления посуды по сохранившимся источникам очень сложно. Для первой группы изделий лишь предполагается выдалбливание и/или вырезание из цельного куска дерева, при выборе которого, очевидно, учитывалось качество сырья и обращалось внимание на направление волокон заготовок. Например, для вырезания больших уплощенных емкостей типа блюдов наиболее целесообразным считается использование широких брусков с поперечным сечением [43, с.147]. Что касается второй группы посуды, иногда называемой наборной, то

Дальнейшая судьба таких находок, как правило, плачевна, поскольку их или не удается закрепить (законсервировать) в полевых условиях, если такая попытка вообще предпринимается, или они разрушаются в процессе последующих перемещений и хранения. По этой причине, например, далеко не каждая археологическая экспозиция краеведческих или вузовских музеев включает экспонаты подобного рода.

** Для эпохи бронзы вообще исследователи различают, в зависимости от способа изготовления (технологическая классификация), три типа деревянной посуды: 1) долбленая и точеная; 2) бондарная, склепанная из отдельных дощечек; 3) гнутая или плетеная [3, с.472; 43, с.145]. Третий тип посуды пока достоверно известен только в катакомбных памятниках [43, с.147], хотя бытование такового в среде бабинского населения вполне вероятно. Относительно применения в изготовлении 1-го типа сосудов способа *точения* заметим, что, если имеется в виду известная по более позднему времени технология точения изделий на приспособлении типа токарного станка, то говорить о существовании таковой у населения эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи у нас пока нет никаких оснований.

технологии ее изготовления из множества составных частей с помощью металлических креплений, которую мы рассмотрим ниже, даже связывают с зарождением бондарства в эпоху средней бронзы [43, с.147]. Впрочем, есть мнение, что появление бондарства в Северном Причерноморье, маркируемого составной посудой, скрепленной обручем, относится лишь к позднебронзовому веку [68, с.207].

Морфологическое группирование. В археологической литературе и отчетах нам удалось выбрать следующие применяемые к деревянной посуде (ёмкостям) культуры Бабино названия, так или иначе отражающие форму и размеры изделий: блюдо, блюдо-поднос, блюдце, миска, чаша, чашка, шкатулка. Впрочем, в авторских классификациях, как правило, присутствует не более трех типов: у И.Ф. Ковалевой – чаши, блюда-подносы и наборная посуда [22, с.207]; у С.Н. Ляшко – чаши и цилиндрический наборной сосуд [43, с.146]; у И.А. Пислария – чаши, миски, блюдца [68, с.207].

Имеющийся спектр названий деревянных емкостей при соотнесении их с источником можно свести к четырем типам, допуская и наличие промежуточных форм:

- 1) чаша (миска);
- 2) стакан (чашка);
- 3) блюдо (блюдо-поднос);
- 4) шкатулка (ящичек).

Одним из характерных типов деревянной посуды в культуре Бабино исследователи считают *чаши*. Нередко «чашами» называют всякую деревянную ёмкость, особенно если она снабжена металлическими скобами, независимо от ее формы, размеров и конструкции. В этом отношении достаточно показательна следующая цитата: «В погребениях КМК из форм деревянной посуды чаще всего встречаются чаши. Их характерной особенностью является поддон и “сшивание” отдельных кусков тонкой бронзовой лентой, проволочкой или обоймочками. Хорошо сохранившаяся чаша была найдена в погребении 3/3 у с. Александровка Днепропетровской обл.» [43, с.146]. Вызывает недоумение то обстоятельство, что отнесенный к «характерным особенностям» чаш поддон зафиксирован лишь единожды, именно на упомянутой посудине из Александровки 3/3. Однако на сопровождаемом текст рисунке [43, рис.43, 3] приведен неверный вариант изображения александровской чаши – без поддона, известный по публикации Н.В. Чернявской [97, рис.2, 8] и некоторым перепубликациям. В свое время Г.Г. Пятых обратил внимание на имеющую место разницу в изображениях одного и того же изделия в различных публикациях: то с поддоном, то без него, поместив в своей статье оба варианта [77, с.148, рис.2, 1, 2]. Привлекая в нашей работе эту же находку, мы ограничились только одним изображением – с поддоном (рис. 1, 2), поскольку именно его считаем адекватным. Делая такой выбор, мы исходили, во-первых, из того, что, как в первой публикации комплекса авторами раскопок [26, с.7-8, табл.5, 5], так и во второй, Н.В. Чернявской [97, с.91], а также последующих работах И.Ф. Ковалевой [22, с.207, рис.75, 2; 23, рис.5], при описании деревянной чаши постоянно указывается на наличие у нее «выделенного плиточного дна». Во-вторых, все перечисленные описания, кроме приведенного в статье Н.В. Чернявской, сопровождаются вариантом рисунка чаши именно с поддоном.

В публикации при ссылке на рисунок, вдобавок, допущена опечатка, указывающая на изображение совершенно иной деревянной емкости [43, с.146].

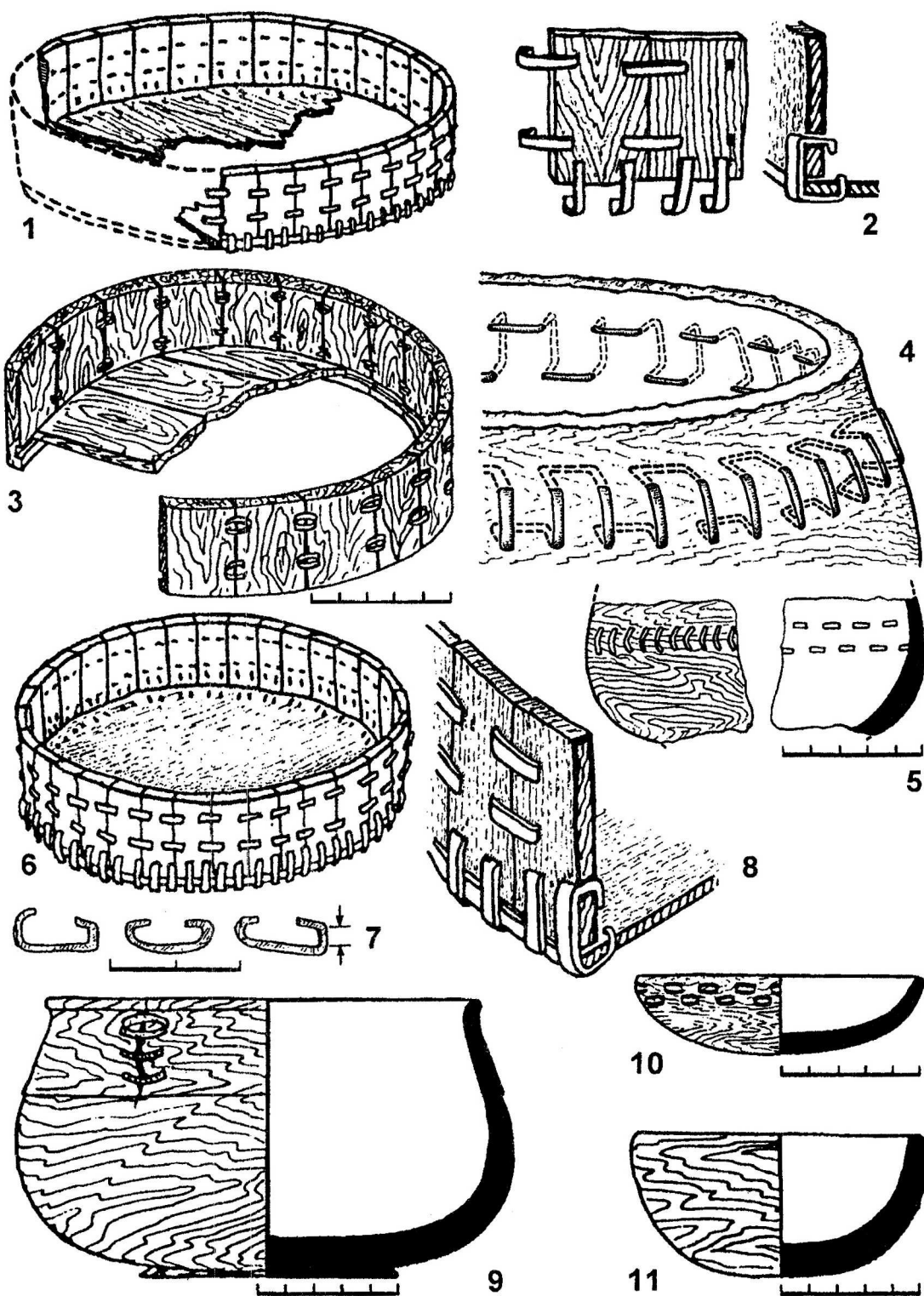

Рис. 1. Деревянная посуда из памятников круга Бабино: 1-3 – Веселое 1/1; 4, 5 – ш. Павлоградская V 1/6; 6-8 - Шарованская могила 3/2; 9 – Александровка I 3/3; 10 – Прядовка VI 1/1; 11 – Пролетарское XXXII 3/4; Примечание: 1, 2, 6-8: по [9]; 3, 5, 9-11: по [22]; 4: по Р.А. Литвиненко.

Возвращаясь к вопросу о морфологических критериях выделения сосудов типа «чаша», заметим, что мы склонны оперировать при этом традиционными определениями, взятыми из классических словарей русского языка. В. Даль, например, *чашей* называет «сосудь полушаромъ или около того» [13, т.4, с.585]. Близкое определение *чаши* дано в словаре С.И. Ожегова: «старинный сосуд для питья в форме полушария» [55, с.762]. А вот, что сказано по интересующему нас вопросу в одном из археологических словарей: «Чаша – відкрита посудина для пиття. Представлені двома типами: напівсферичними та витягнуто-напівсферичними з округлим або плоским дном та дворучними кулеподібними» [91, с.299]. С точки зрения классификации, последний вариант определения неудачный, поскольку, во-первых, использованные в нем типобразующие признаки таксономически неравноценны, во-вторых, упомянутые два типа не охватывают даже варибельности форм, известной по эпохе бронзы и раннего железного века, не говоря уже о других археологических периодах, а в-третьих, если форма чаш первого типа (полусферическая или вытянуто-полусферическая) вполне допустима, то чаши с *шарообразным корпусом* до сих пор не известны, а если и известны, то под другими названиями. Удачные и неудачные определения при желании можно продолжить. Главное, что можно было бы при этом из них извлечь, заключается в следующем: наиболее устойчивым признаком чаш у различных авторов является именно форма сосуда в виде полушария.

Наша попытка выделить в качестве отдельного типа деревянные *миски* натолкнулась на затруднение, связанное с тем, что миски в словарях являются эквивалентными (синонимичными) чашам. Например, у В. Даля: «**МИСА, миска, -сочка** ж. чаша. чашка <...>» [13, т.2, с.329]. А у С.И. Ожегова: «**МИСКА, -и, ж.** Посуда для еды в виде широкой чашки. *Деревянная м.* <...>» [55, с.304]. Впрочем, имеются некоторые параметры, позволяющие в отдельных случаях разделительно употреблять синонимичные термины. Так, если полусферическая посудина имеет стянутое устье, то для нее лучше подходит название «чаша», поскольку «миска» - более применимо к открытым ёмкостям.

Среди реконструируемых находок деревянных сосудов из погребений круга Бабино чашам отвечает 5-7 экземпляров. Они демонстрируют следующие метрические характеристики: диаметр устья колеблется в пределах 10,5–16 см, высота - 3–10 см. В эти же параметры вписываются и диаметры некоторых сосудов, сохранившихся в виде круглых отпечатков дерева на дне могил, и которые можно предположительно относить к чашам.

Большая часть деревянных чаш, однако не все, имели металлические детали, использовавшиеся для крепления, ремонта или украшения. Как правило, они представляли собой медно-бронзовые узкие ленты, изогнутые в виде а) пружинной спирали с прямоугольными витками или б) п-образных, в том числе двухплоскостных меандров; реже крепления состояли из прямоугольно изогнутых скоб (рис. 1, 4, 7; 2, 1-5, 9-11). Конфигурация этих металлических изделий определенно свидетельствует о том, что с помощью них различными способами насквозь «прошивали» стенки деревянных сосудов, вероятно, преследуя при этом различные цели: скрепления появившихся трещин, профилактики растрескивания посуды и декорирования ее. О функциях украшения и ремонта (реставрации) деревянной посуды КМК (Бабино) при помощи металла в виде «раскованной плоской ленты», «круглой или плоской в сечении проволоки», «прошивавшей дерево под

венчиком», скоб или обоймочек, «прямоугольных пластин, загибавшихся на край венчика», писали многие авторы [9, с.45-46; 21, с.46; 22, с.208; 23, с.27; 68, с.207; и др.]. В этой связи хочется особо подчеркнуть, что употребление для оформления деревянных сосудов металлических *пластин* следует признать крайней редкостью. Кроме факта использования в качестве дна бронзовой пластинки из Шарованской могилы [54], на котором мы остановимся ниже, и письменной информации о «бронзовой пластине с гвоздиками» от сосуда из Поронских могил [68, с.207], такие случаи нам не известны.

Среди набора деревянной посуды выделяется разновидность, которую можно отнести к *стаканам (чашкам)*, подразумевая под ней маленький питейный сосудик [13, т.4, с.314; 55, с.763]. Из сохранившихся в бабинских погребениях экземпляров один по форме напоминает миниатюрную полусферическую чашу со стянутым устьем и выделенным венчиком (Ремонтирская могила п.6 – рис. 2, б) [48, с.16-19, табл. IV, 4], а три других – перевернутые усеченные конусы с округленными боками и дном (Павловка 27/2, 27/18, 31/1 – рис.2, г) [99]. Ни один из этих стаканов не имел металлических скоб-обоймочек. Размеры посуды варьируют в таких пределах: диаметр венчика 5,5-9 см, диаметр дна 3-7 см, высота 3,6-9 см, толщина стенок 0,4-1 см. Несколько выходят за эти параметры, приближаясь к чашам, экземпляры из Павловки 27/18 (диаметр венчика 12 см, диаметр дна 8 см, высота 9,4 см) и Камовой могилы (диаметр 9х11 см, высота 5 см, толщина стенок 0,7 см). Кроме упомянутых, к числу стаканов-чашек нами отнесены также деревянные сосудики из погребения 12 кургана 1 у с. Боровковка Верхнеднепровского р-на Днепропетровской обл. (полусферической формы, диаметром около 7 см) [28, с.112], погребений 2 и 3 кургана 1 у с. Рыбасово Днепропетровской обл. (диаметры соответственно 7 и 8 см) [47а, с.71-72].

Блюда в захоронениях круга Бабино, в отличие от катакомбных и срубных памятников, являются сравнительно редкой разновидностью посуды. Нам известно лишь три достоверных экземпляра и еще один предположительно. Выделяя данную разновидность посуды, мы в целом придерживаемся традиционного понимания под *блюдом* «большой тарелки, круглой или продолговатой, для подачи кушанья» [55, с.47]. Все блюда культуры Бабино, вновь-таки в отличие от крупных блюд-подносов из катакомбных и срубных памятников, характеризуются небольшими размерами: диаметр не более 22-23 см. Некоторые представления о деталях можно получить, обратившись к наиболее сохранившимся на момент археологической фиксации экземплярам.

В погребении 3 кургана Беева Могила, исследованном экспедицией Донецкого областного краеведческого музея у пгт. Пантелеймоновка Донецкой обл., наряду с другим инвентарем, находилось деревянное блюдо овальной формы с невысоким бортиком, скрепленным в двух местах бронзовой проволокой, размерами 13х18 см [70, с.81, рис.50, 3].

Еще одно блюдо с бортиком по краю происходит из раскопанного экспедицией Днепропетровского университета погребения 8 кургана 3 могильника II у с. Вербки Павлоградского р-на Днепропетровской обл., в Среднем Присамарье. Размеры его: диаметр по венчику 22 см, диаметр по дну 19 см, высота 2,5 см [46, с.11] (рис. 2, 8). В указанной публикации ёмкость названа чашей. Но И.Ф. Ковалева относит данную посудину к категории блюд-подносов [22, с.207, рис.75, 7]. Упомянутый автор к числу овальных блюд-подносов КМК причисляет также находку из погребения 4 кургана 3 могильника II у с. Вербки

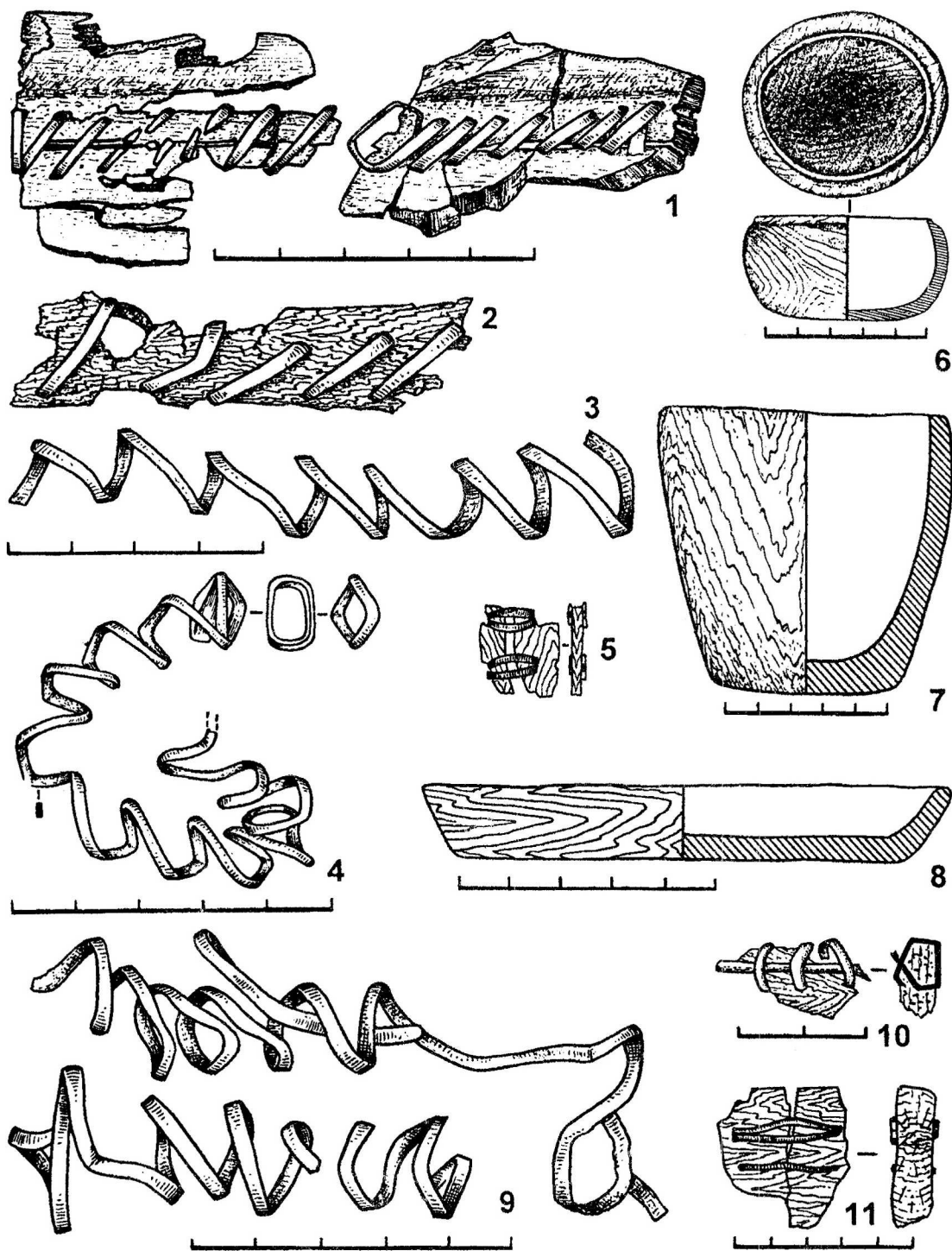

Рис. 2. Металлические детали посуды и деревянные емкости из памятников круга Бабино: 1 – Поляков 4/2 (по [78]); 2, 3 – Волноваха 1/2 (по [19]); 4 – Македоново 1/8 (по [16]); 5 – Новоподкряж I 1/1 (по [97]); 6 – Ремонтирская могила п.6 (по [48]); 7 – Павловка 27/2 (по [99]); 8 – Вербки II 3/8 (по [22]); 9 – Новоандреевка 1/1 (по [19]); 10 – Высокое 3/5 (по [31]); 11 – Прядовка V 1/6 (по [22]).

[22, с.207, рис.75, 5]. Однако указанный комплекс, судя по публикации, надежно атрибутируется как срубный [46, с.9].

Блюдом названо авторами раскопок изделие, находившееся в исследованном экспедицией Донецкого университета погребении 2 кургана 1 у с. Новозарьевка Старобешевского р-на Донецкой обл.: округлое деревянное блюдо диаметром 23 см, с выступающим краем высотой около 4 см, оформленным медной лентой шириной 2 мм; пропущенная через дерево лента, оплетала край посуды, образуя подобие спирали [75, с.21-22, рис. XXII, Б, 3].

Еще одна категория емкостей, функциональное назначение которой не может быть уверенно сведено только к сфере столовой (ритуальной) посуды, представлена составными (наборными) изделиями. Есть основания выделить среди них такие, которые могут быть названы *шкатулками*. Обратившись к В. Далю, можно найти в его словаре: «ШКАТУЛКА ж. – лочка, <...> ларчикъ, баульчикъ, укладочка, подручный ящичекъ разн. вида <...>» [13, т.4, с.637]. Полезным будет также привести следующие выдержки: «<...> *ларѣць, ларчикъ* умал. шкатулка, укладочка, ящичекъ <...> для <...> хорошихъ мелкихъ вещей» [13, т.II, с.238]. И еще: «ЯЩИКЪ м. связанное изъ досокъ помещенье, укладка разн. вида. <...> *ящичекъ, ларчикъ, укладочка, баульчикъ* ипр. Но *сундукъ, ларець* всегда съ крышкою, а ящикъ бываетъ и безъ крышки <...>» [13, т.4, с.683]. Составных емкостей из памятников круга Бабино нам известно три. Судя по имеющейся информации, они несколько различались между собой, а потому заслуживают отдельного рассмотрения.

Первая находка такого рода была сделана в 1973 г. при раскопках Ингулецкой экспедицией Шарованской могилы (кургана 3) в низовьях Ингульца на территории Николаевской обл. В первой информационной публикации автором раскопок сообщается о погребении культуры многоваликовой керамики (№ 2) в каменном ящике, «сопровождавшемся двумя сосудами (керамическим и деревянным, сделанным из ряда деревянных пластин, стянутых бронзовыми скрепами на основе круглой бронзовой пластины)» [54, с.317]. Дополнительную информацию об этом изделии дает описание из авторского отчета: на дне могилы зафиксированы «мелкие и тонкие бронзовые изделия – скрепы, соединяющие деревянные полосы деревянного сосуда (по принципу сшивания длинной бронзовой проволокой). Удалось законсервировать лишь часть сосуда. Деревянные пластины «пришивались» бронзовыми «нитками» ко дну из тонкой бронзовой пластинки диаметром 8,4 см». Ширина деревянных пластин составляла 1,7 см, а толщина сосуда равнялась 1 см [53, с.11-12]. О.Г. Вангородская, ссылаясь на рисунок из отчета о раскопках Шарованской могилы*, предложила графическую реконструкцию этой емкости в виде

* О.Г. Вангородская называет указанный комплекс «Спасское, к.3 п.2». Однако по отчету и многим публикациям курган называется Шарованской могилкой. Неверное название «Спасское», возможно, могло появиться в связи с тем, что раскопки проводились в зоне строительства *Спасской* оросительной системы в Снегиревском р-не Николаевской обл. или какой-то путаницы. Эта ошибка из статьи О.Г. Вангородской «перекочевала» в работу С.Н. Ляшко, которая, описывая наборную деревянную «посуду из пластин, скрепленных бронзовой проволокой или скобами», уже ссылается на погребение культуры многоваликовой керамики «3/2 у с. Спасское Днепропетровской области» [43, с.147]. Коль уж речь пошла об уточнениях, позволим себе еще одно. О.Г. Вангородская, приводя примеры деревянной посуды КМК с бронзовыми скобами, упоминает также погребение 1 из кургана 1 могильника Николаевка, ссылаясь при этом на отчет О.Я. и А.И. Приваловых за 1976 г. [9, с.46]. Однако в 1976 г. указанными авторами исследовались курганные могильники срубной культуры Малый Кут и Мокрая Волноваха, в которых вообще нет

низкого цилиндра, стенки которого «состояли из отдельных дощечек, скрепленных двумя рядами скоб», а круглое дно из листовидной бронзы было «прикрепленным к дощечкам при помощи скоб более крупных размеров» (рис. 1, 6-8) [9, с.45-46, рис.3, 7]. Впрочем, в научном отчете [53] отсутствуют графические или фотографические материалы (кроме чертежа общего плана погребения и фотографии участка дна могилы, на которой различаются контуры фрагментов интересующего нас деревянного предмета с бронзовыми скобами), которые бы могли дать достаточное представление о внешнем виде изделия, тем более для его детальной реконструкции. Ограниченность сведений не позволяет реально оценить достоверность реконструкции. Заметим лишь, что в ней имеется ряд мелких несоответствий: несмотря на отсутствие масштаба к графическому рисунку [9, рис.3, 7], достаточно определенно видно, что пропорции деревянных пластин не соблюдены: ширина их как минимум в 3 раза больше толщины (по отчету же ширина равна 1,7 см, толщина – 1,0 см), а отдельный увеличенный рисунок металлических скоб не соответствует сопровождающей его масштабной линейке: ширина внутреннего пространства, огибаемого прямоугольно загнутыми скобами, составляет 0,2-0,3 см, хотя должна равняться 1,0 см – толщине «прошитых» деревянных пластин (рис. 1, 7).

Вторая интересующая нас находка происходит из материалов раскопок экспедиции Днепропетровского университета. Связана она с погребением 1 кургана 1 у с. Веселое Магдалиновского р-на Днепропетровской обл*. Изделие реконструируется как составное (рис. 1, 3): стенки представляли собой низкий цилиндр из плотно связанных между собой овальными бронзовыми скобами вертикальных планок (клепок); плоское наборное дно из планок вставлялось в специальный глубокий паз - утёр, вырезанный в нижней части стенок и стягивалось ими [97, рис. 1, 8; 22, с.207, рис. 75, 6]**. Реконструируемые размеры изделия: диаметр около 16 см, высота 3-3,7 см***. Несмотря на необычную форму и конструкцию, в первой публикации данное изделие было названо «деревянной чашей полусферической формы, состоявшей из соединенных с помощью бронзовых оковок обручей и плоского дна» [97, с.89] (?). Нам же представляется, что как по форме, так и конструкции, находку из Веселого 1/1 чашей не назовешь. По формальным показателям, если не учитывать миниатюрные размеры, она более походит на емкость, для которой в русском языке есть название «*Кадка, кадочка, кадца, кадушка*, <...> небольшая кадь, стойко́вая обручная посудаина

погребений КМК или каких-либо других с деревянной посудой. Могильник Николаевка раскапывался О.Я. и А.И. Приваловыми в 1975 г. Там, в кургане 1 исследовано лишь основное безынвентарное погребение КМК № 1. В погребениях КМК из курганов 2, 4, 5, 8 деревянная посуда отсутствовала [76].

* В различных источниках не совпадают номера курганной группы: в одном случае указана группа XV [97, с.89], в другом - группа XXII [22, подпись к рис.75, 6].

** Известен еще один, неверный, вариант реконструкции деревянной емкости из Веселого 1/1 [9, рис.3, 6], в котором имеется одно принципиальное отличие от предложенного авторами раскопок: дно соединяется с вертикальными стенками встык, при помощи расположенных по всему периметру металлических скоб (рис. 1, 1-2), что противоречит указанию на наличие специально для этой цели сделанного паза (утора).

*** При описании посуды из Веселого 1/1 С.Н. Ляшко указывает его высоту около 10 см [43, с.146], что почти в три раза превышает размер, исчисляемый по масштабу в публикациях [97, рис.1, 8; 22, рис.75, 6].

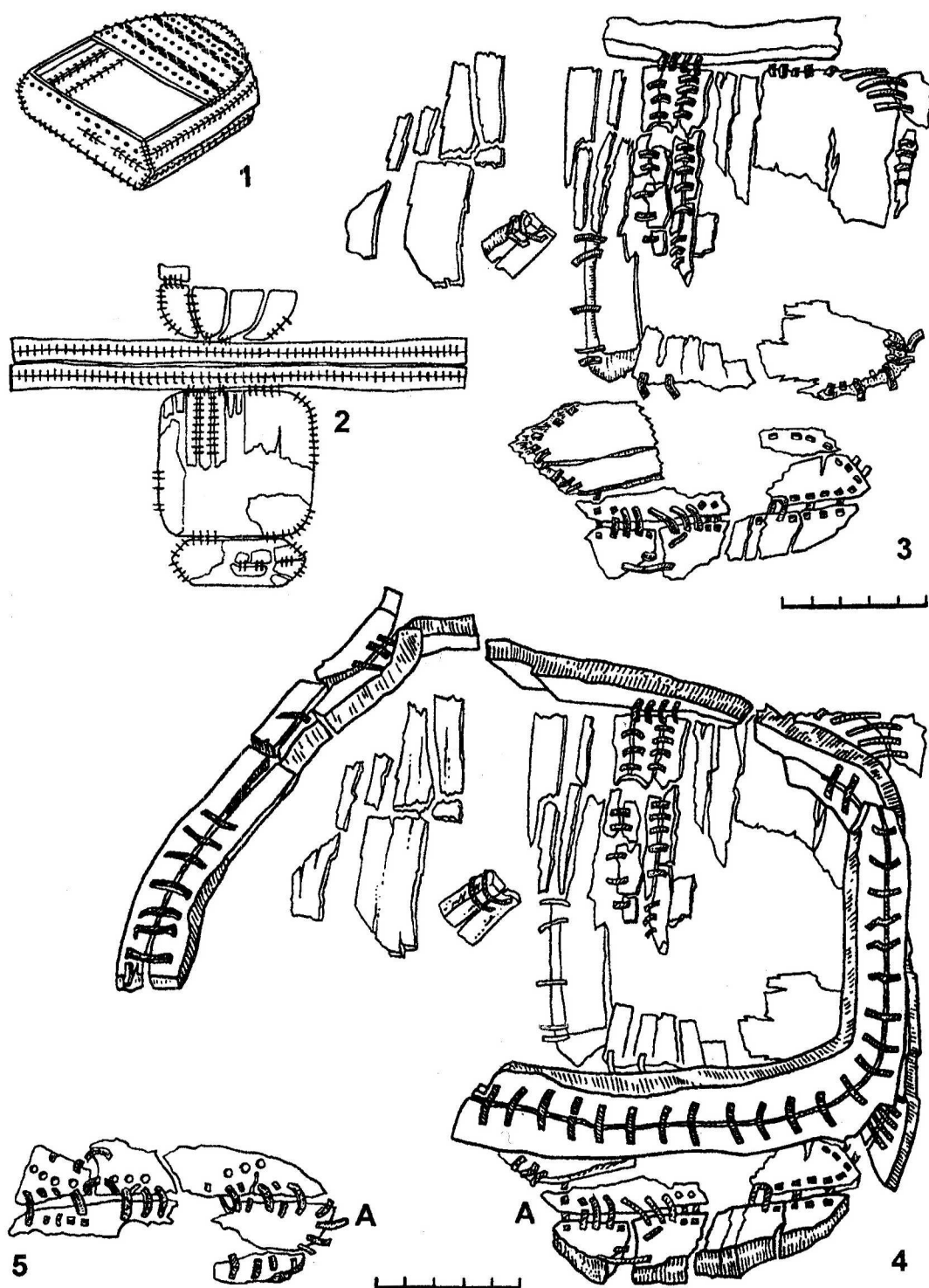

Рис. 3. Деревянная шкатулка из погребения 3 кургана 1 Кузнецовского II могильника (по [89]): 1 – реконструкция; 2 – «выкройка»; 3 – нижняя часть (дно); 4 – дно с боковыми стенками (первый этап расчистки); 5 – орнаментированная поверхность (внешняя) детали А.

объ одномъ дне». Кадь же – «<...> обручная посудина, въ виде обреза, пересека, полубочья <...>» [13, т. II, с. 72]. Вот только обруча не хватает.

Третья из выделенных составных емкостей открыта в 1976 г. в ходе раскопок Кузнецовского II могильника в Семикаракорском р-не Ростовской обл., на левобережье Нижнего Сала. В погребении 3 кургана 1 находилась «сильно фрагментированная деревянная шкатулка (?)», собранная из отдельных элементов – стенок, изготовленных из разной длины, ширины и формы дощечек толщиной 0,6-0,8 см, скрепленных бронзовыми скобками-скрепками, сделанными из полос шириной 1-2 мм, толщиной около 1 мм. Автором раскопок и публикации, А.А. Узяновым, предложены детальное описание остатков изделия и выполненный на их основе вариант реконструкции шкатулки: в плане квадратной с закругленными углами формы, с крышкой; размеры 12x12 см, высота 4-5 см [89, с. 131-132, рис. 5-7] (рис. 3). Особого внимания заслуживает тот факт, что рассматриваемое изделие имело декор: боковые стороны украшались орнаментом из вытянутых в горизонтальную линию врезных круглых углублений диаметром 3 мм (рис. 3, 5); крышка украшена врезным орнаментом из чередующихся линий круглых и взаимопроникающих треугольных углублений (рис. 4, 2). Последний мотив орнаментальной композиции – взаимопроникающие треугольники, образующие между собой зигзаг (ломаную линию, по А.А. Узянову [89, с. 132]), – известен для памятников ряда культур бронзового века Восточноевропейской степи и лесостепи*. Сравнительная «популярность» этого декора проявилась в том, что он наносился на вещи различного характера, предназначения, размера и материала. Не ставя перед собой задачи перечислить все из них, укажем в качестве примеров лишь на самые известные. Так, пояс углубленных взаимопроникающих треугольников имеется на боковой стороне (на «плече») знаменитого Керносовского идола (рис. 4, 3). В качестве еще одной аналогии сошлемся на находку из памятника гинчинской культуры бронзового века Горного Дагестана, частично синхронной культуре Бабино и имеющей с ней ряд параллелей в материальной культуре. Речь идет об обломке плоского костяного браслета, найденного при раскопках 1964 г. на Верхнегунибском поселении. Он имел врезной орнамент в виде продольной окантовки краев из поясков противоположно направленных проникающих треугольников и ряд циркульных окружностей посередине (рис. 4, 5) [44, с. 116-117, 341, рис. 114, 8].

Особого внимания в плане сопоставления заслуживает находка уникальной деревянной посуды из яркого позднекатакомбного погребения 2 кургана 6 у г. Беловодска Луганской обл. Она представляла собой полусферической формы чашу-миску с прямоугольным сквозным выступом-ушком, орнаментированную под венчиком тремя горизонтальными полосами и опущенными фестонами, выполненными мелкими врезными взаимопроникающими треугольниками (рис. 4, 1) [8, с. 23, 24, рис. 13, 2]. Авторы публикации беловодского кургана приводят аналогии этому редкому орнаменту, обращаясь к катакомбной и северокавказской

* Обратим внимание, что имеется в виду декор, единичными элементами которого являются отдельные не смыкающиеся треугольники, расположенные двумя противолежащими рядами. Его не следует путать с похожим и более распространенным в эпоху бронзы орнаментом, состоящим из двух линий противолежащих зубцов (или смыкающихся основаниями треугольников), образующих между собою зигзаг. Последний вариант хорошо известен по щитковым псалмам Восточной Европы (орнаментальные пояски по периметру щитка и на срезе вставных шипов) и другим изделиям из резной кости позднебронзового века (навершия, распределители, втулки и проч.).

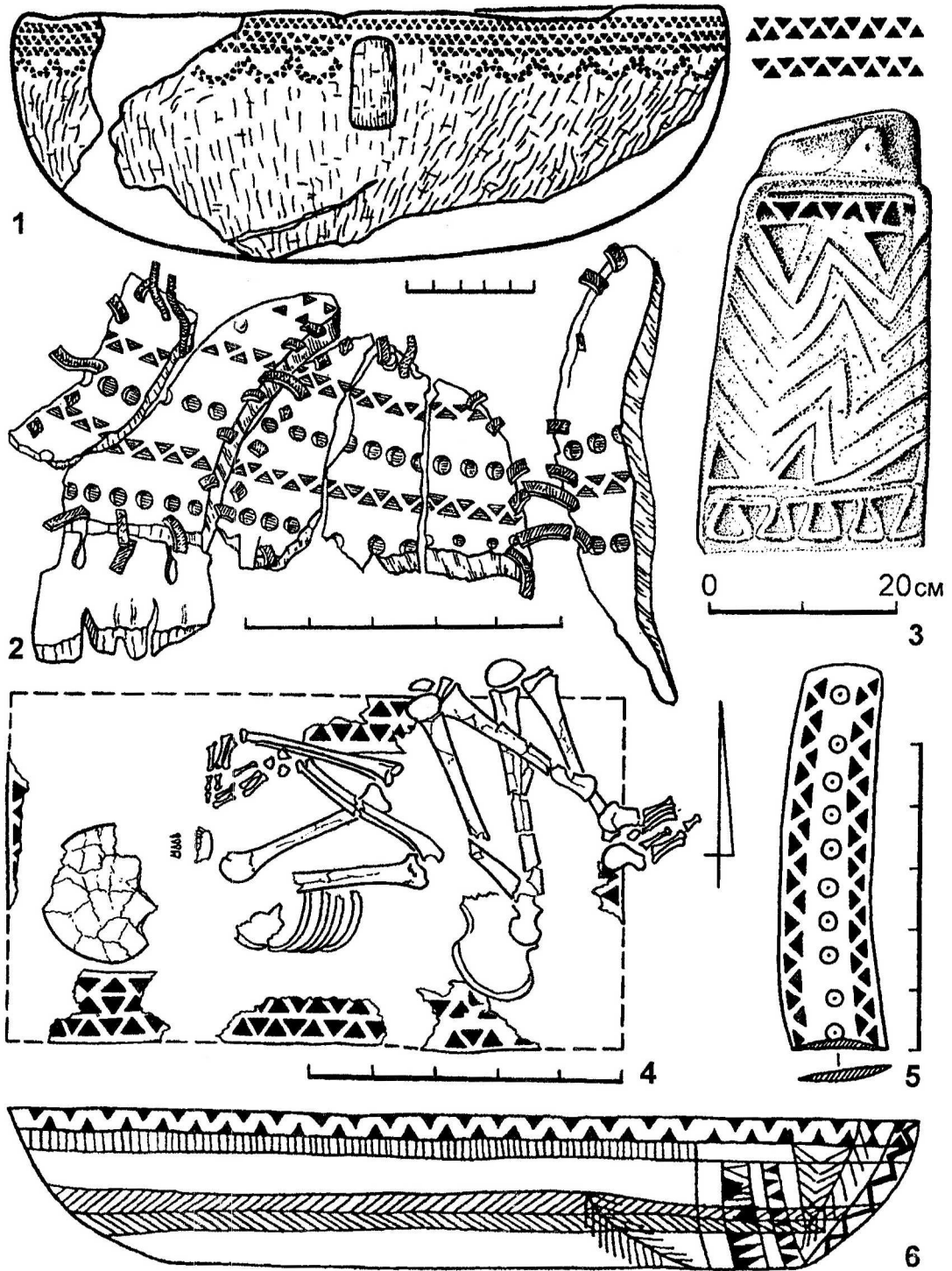

Рис. 4: 1 - деревянная чаша из погребения Беловодск 6/2 (по [8]); 2 - орнаментированная деталь (крышка) шкатулки из погребения Кузнецовский II 1/3 (по [89]); 3 - фрагмент боковой стороны Керносовского идола; 4 - Благовка 5/3 (фрагмент, по [75]); 5 - костяной браслет из Верхнегунибского поселения (по [44]); 6 - кожаный сосуд из погребения Холмское 1/7 (по [3]).

керамике Приманьчья и Центрального Предкавказья [8, с.52; 52, рис.26, 4]. В контексте указанных параллелей, возможно, не случайным покажется территориальное тяготение находки шкатулки с аналогичным орнаментом из Кузнецовского II могильника к юго-восточной области Бабино - междуречье Нижнего Сала и Нижнего Маньча.

Наконец, о закономерном характере открытия в изобразительном искусстве носителей культуры Бабино (ее восточной, Доно-Донецкой, области) орнаментального мотива из поясков взаимопроникающих треугольников, свидетельствуют также материалы погребения 3 кургана 5 могильника у с. Благовка Свердловского р-на Луганской обл., исследованного экспедицией Донецкого университета в 1981 г. [49]. В этом захоронении молодого индивида, на дне могилы «отчетливо прослеживались фрагменты войлочной подстилки прямоугольной формы. Фрагменты сохранили желтый цвет окраски, на фоне которой нанесены ряды взаимопроникающих треугольников коричневого цвета. Судя по сохранившимся фрагментам, размеры подстилки 0,99x0,57 м» (рис. 4, 4) [49, с.26]. Таким образом, благодаря редким случаям сохранности и фиксации в ходе раскопок объектов из разрушающихся органическим материалов, удалось выявить новую, несколько даже неожиданную информацию, пополняющую наши сведения о материальной культуре и изобразительных традициях населения культуры Бабино, о которых ранее мы судили в основном на основании материалов орнаментации керамики и редких изделий из кости*.

В завершение характеристики источников, сделаем еще одно замечание. В литературе при обзоре деревянной посуды нам встретилось упоминание о находке деревянной ложки «в погребении КМК 1/12 у с. Зимогорье» [43, с.147]. В действительности, такая находка известна, однако указанное погребение относится к позднекатакомбным с реповидным горшком [69, с.347]. Правда, автор раскопок зимогорьевского комплекса, ссылаясь на него, однажды высказал суждение о том, что «не приходится сомневаться в наличии у племен бабинской культуры деревянных ложек» [68, с.207]. Однако между названными историографическими фактами, судя по времени выхода работ, вряд ли существует связь. Между тем, в качестве очередного свидетельства тому, как порожденная однажды путаница по принципу «испорченного телефона» нередко претерпевает дополнительные искажения, можно привести следующий пример: в известном учебном пособии для студентов вузов, подготовленном солидным авторским коллективом, упомянутая нами деревянная ложка из катакомбного погребения, со ссылкой на С.Н. Ляшко, уже отнесена к срубной культуре. Кстати, или некстати, к срубной деревянной посуде там же, вместе с ложкой, причислены ковш из катакомбного комплекса Бурлацкое 3/3, чаши из бабинских погребений Александровка I 3/3 и Новоподкряж I 1/1, последняя из которых «лишена» металлической прошивки, – так что из восьми представленных на рисунке деревянных изделий к срубной культуре реально относятся лишь три [12, с.84, рис.].

Функциональная интерпретация источников. Переходя к вопросу о месте деревянной посуды в погребальном обряде культуры Бабино, заметим, что определенную информацию по этому поводу можно извлечь главным образом из

* Аналогичные открытия происходят и в катакомбных памятниках того же Доно-Донецкого региона [32, с.26-27, 36-38, рис.10, 4; 15, 7; 17, 4].

анализа погребального контекста. Кстати, только таким образом можно проверить и корректность употребляемых исследователями названий для различных типов деревянных емкостей.

Почти во всех известных случаях деревянная посуда находилась в могиле и размещалась перед уложенным на боку умершим, на уровне его груди-живота. Лишь однажды деревянный стакан зафиксирован на ступеньке подбойной конструкции, то есть вне самой камеры (Павловка 31/1) [99]. В подавляющем большинстве захоронений присутствовала лишь одна деревянная ёмкость. Известен лишь один случай, связанный с погребением 23 из Одесского кургана (Слободка-Романовка), когда в могиле находилось два деревянных сосуда: один «вроде глубокой миски, с довольно толстыми стенками» размещался у головы, а второй «гораздо меньший, <...> с очень тонкими стенками в виде небольшого горшочка» – около колен [15, с.136]. Поскольку посуда предполагает помещение в нее пищи (питья), небезынтересной будет информация о том, что из немногим более полусотни бабинских захоронений с деревянными ёмкостями, подавляющая часть не имела керамических сосудов в составе инвентаря. В одной из работ И.А. Писларий под особым углом зрения рассмотрел известную тенденцию полного или почти полного отсутствия глиняных сосудов в погребениях бабинской культуры Северского Донца и отчасти объяснил это тем, что «их роль выполняли деревянные, но не всегда условия способствовали их сохранности. Даже на стадии раскопок деревянные сосуды, не имевшие бронзовых накладок или скреп, могли быть не замечены среди дерева рухнувших перекрытий» [68, с.206]. Бесспорно, этот вывод имеет рациональное зерно, однако, абсолютизировать его не стоит. Приведенная в начале работы статистика красноречиво свидетельствует о том, что удельный вес погребений с деревянными сосудами (около 2%) вряд ли отражает только неудовлетворительную сохранность этих изделий в археологических комплексах.

В 7 погребениях деревянная посуда присутствовала вместе с керамической. Со всей очевидностью можно заключить, что каждая из этих ёмкостей выполняла свои функции. Особо подчеркнем то интересное обстоятельство, что все интересующие нас в данном случае комплексы представляют собой единую обрядово-хронологическую группу, входящую в состав степного массива погребений Бабино с особым типом глиняных сосудов – корчагами [39]. Судя по имеющимся данным, деревянные ёмкости в этих комплексах представлены разными типами: чашами (4), стаканами (2), не определено (1). В трех случаях сосуды имели металлическую «прошивку». Учитывая же неизменное размещение деревянной емкости рядом, даже вплотную, с керамической, можно предположить, что в этих погребениях представлен своеобразный набор посуды: керамическая корчага – тарная ёмкость для жидкости, а чаши и стаканы – ёмкости для питья содержимого корчаг.

В целом археологический контекст как будто подтверждает и предназначение упоминавшихся нами блюд-подносов: в погребении 3 Беевой Могилы на блюде «находились органические остатки (от пищи?) желтого и черного цвета» [70, с.81]; в погребении 8 кургана 3 могильника Вербки II на блюде-подносе лежала кость животного [46, с.11].

Никакими дополнительными данными, которые бы позволили уточнить «функциональное» предназначение чаш-мисок и стаканов-чашек, мы не располагаем. Рассматривая данный вопрос, И.А. Писларий относил деревянную посуду из

погребений культуры многоваликовой керамики к разряду только столовой и допускал ее использование «для подачи густых каш, мясной каши или других продуктов». По его мнению, последняя группа посуды «могла быть изготовлена из кожи, дерева, глины и предназначалась в основном для напитков» [68, с.58].

Некоторые авторы, исходя уже не из утилитарного контекста, а, опираясь на известные индоиранские мифологемы, интерпретируют декорированные металлом деревянные сосуды из погребений круга Бабино как чаши для питья священного напитка сомы (хаомы) [21, с.46; 23, с.27; 57; 59, с.72; и др.]. На этом вопросе мы остановимся ниже. Сейчас же заметим, что при всей кажущейся очевидности использования погребальных чаш как питейной посуды, известны случаи, не вписывающиеся в это постоянство. Так, в погребении 1 кургана 6 могильника V у шахты Павлоградская, исследованном экспедицией Днепропетровского университета, в типичной деревянной чаше, с бронзовой «прошивкой» по периметру, находился «хлебец» из охры. А в погребении 2 кургана 12 могильника Малая Белозерка, раскопанном Запорожской экспедицией ИА АН УССР, в поставленной перед грудью подростка деревянной мисочке были сложены 15 астрагалов, которые В.В. Отрошенко предположительно интерпретировал в качестве набора детской игры [55а, с.74; 63, с.112].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о функциональном назначении составных деревянных ёмкостей. Если предполагать использование некоторых из них в качестве посуды, то, видимо, стоит исключить возможность помещения в эти ёмкости жидкой пищи и питья. Данный вывод обусловлен сомнением в том, что связка стенок и дна способом «прошивания» металлической лентой или скрепами может обеспечить достаточную герметичность, которая обычно достигается в бондарстве при помощи стягивания обручами. Вместе с тем, в изделии из Веселого XXII 1/1 обращает на себя внимание технически сложный прием соединения стенок и дна посредством ут́ора (специально вырезанного паза), применяемого именно в бочках-кадках, хотя и действенного опять-таки при наличии обручей. С точки зрения рационализма трудно объяснить и факт значительных трудозатрат, сопоставимых с работой профессионала-бондаря, если не более тонкой, направленных на изготовление этой миниатюрной ёмкости (диаметр 16 см, высота 3 см). Очевидно, стóбила овчина выделки?

Часть подобного рода изделий, вероятно, можно считать шкатулками – ящичками для хранения мелких вещей, хорошо известных по катакомбным памятникам. К сожалению, нет никаких данных о содержимом наиболее вероятной шкатулки из погребения 3 кургана 1 Кузнецовского II могильника, а потому остается неясным, была ли она вообще чем-то заполнена. В этой связи представляется значимой информация, полученная при раскопках Запорожской экспедицией ИА АН УССР кургана 10 могильника Новогупаловка III в Запорожской области. Здесь на дне погребения 1, относящегося к мужской обрядовой группе бабинской культуры, перед умершим находились остатки деревянной шкатулки (?) прямоугольных очертаний размерами около 15x12 см, среди которых найден набор бронзовых украшений: две свернутые из пластины пронизи и круглое височное кольцо в полтора оборота [79].

Культурно-хронологическая интерпретация источников. Приведенные в начале статьи сведения о частоте встречаемости деревянной посуды в погребениях все же не дают четкого представления о распространении интересующей нас

категории материальной культуры (и погребальной обрядности) в системе древностей Бабино. В первую очередь, связано это с тем обстоятельством, что деревянные ёмкости в ареале культур Бабино встречаются далеко не равномерно, наглядным подтверждением чему являются материалы картографирования. На карте (рис. 5) достаточно определенно видно сосредоточение основного массива (около 70%) погребений с деревянной посудой в междуречье Днестра и Дона, точнее Днестра и Северского Донца. Примечательно, что в обобщающей работе по культуре многоваликовой керамики Украины С.С. Березанская упоминает деревянную посуду в материальном комплексе только восточного варианта [2, с.27]. На территории Днепро-Прутского междуречья немногочисленные комплексы с деревянными сосудами распространены неравномерно: они протянулись редкой цепочкой вдоль побережья Черного моря от Ингульца до низовий Дуная. Учитывая внутреннюю неоднородность памятников круга Бабино, включающего в себя ряд своеобразных, хотя и родственных, культурных групп (культур), было бы целесообразным рассмотреть результаты картографирования через призму этой культурно-хронологической неоднородности. Проведенный анализ показывает, что деревянная посуда является наиболее характерной для памятников восточной группы Бабино, Днепро-Донской, занимавшей, по нашему мнению, ключевое место в системе родственных образований данного круга [40]. Очевидна также устойчивая связь деревянных изделий с погребениями ранних (I и II) хронологических горизонтов, особенно первого. Однако изредка встречаются они и в поздних комплексах, что позволяет сделать вывод о сохранении практики сопровождения умерших деревянной посудой на протяжении всех этапов культуры Бабино. Тяготение интересующей нас категории изделий именно к *Днепро-Донской* группе Бабино подтверждается еще одним интересным и важным обстоятельством. Дело в том, что около трети (5 из 18) известных в Днепро-Прутском междуречье комплексов с деревянной посудой относится не к местным группам Бабино, а к восточной группе, ее *Днепро-Азовскому* варианту. Речь идет об уже упоминавшихся выше погребениях с корчагами, сосредоточенных основным массивом в Нижнем Поднепровье – Северо-Западном Приазовье и протянувшихся узкой полосой вдоль черноморского побережья в Днестровско-Прутское междуречье [39, с.83-85, рис.2]. С учетом ряда дополнительных фактов, на наш взгляд, появление комплексов восточного типа на Правобережной Украине и в Северо-Западном Причерноморье следует связывать с первой волной миграции (?) бабинского населения в западном направлении, произошедшей приблизительно в конце раннего этапа. Возможно, этот восточный импульс положил начало (или дал ускорение) трансформации финальнокатакомбной культуры степной Правобережной Украины в бабинскую в ее Днепро-Прутском варианте.

Так вот, в этой новой культурной среде традиция помещения в могилы деревянной посуды сохранилась в очень ограниченной степени. Эта черта сближает между собой именно поздние памятники бабинского круга по обе стороны от Днестра. Большая часть захоронений в типичных для Днепро-Бугского региона подбойно-катакомбных конструкциях и ямах, в сопровождении овальных двудырчатых пряжек, содержала простейшие типы деревянных сосудов – стаканы и чаши без металлических деталей. Лишь в одном погребении Днестровско-Прутского междуречья (Белолесье 3/1), найдено деревянное изделие с

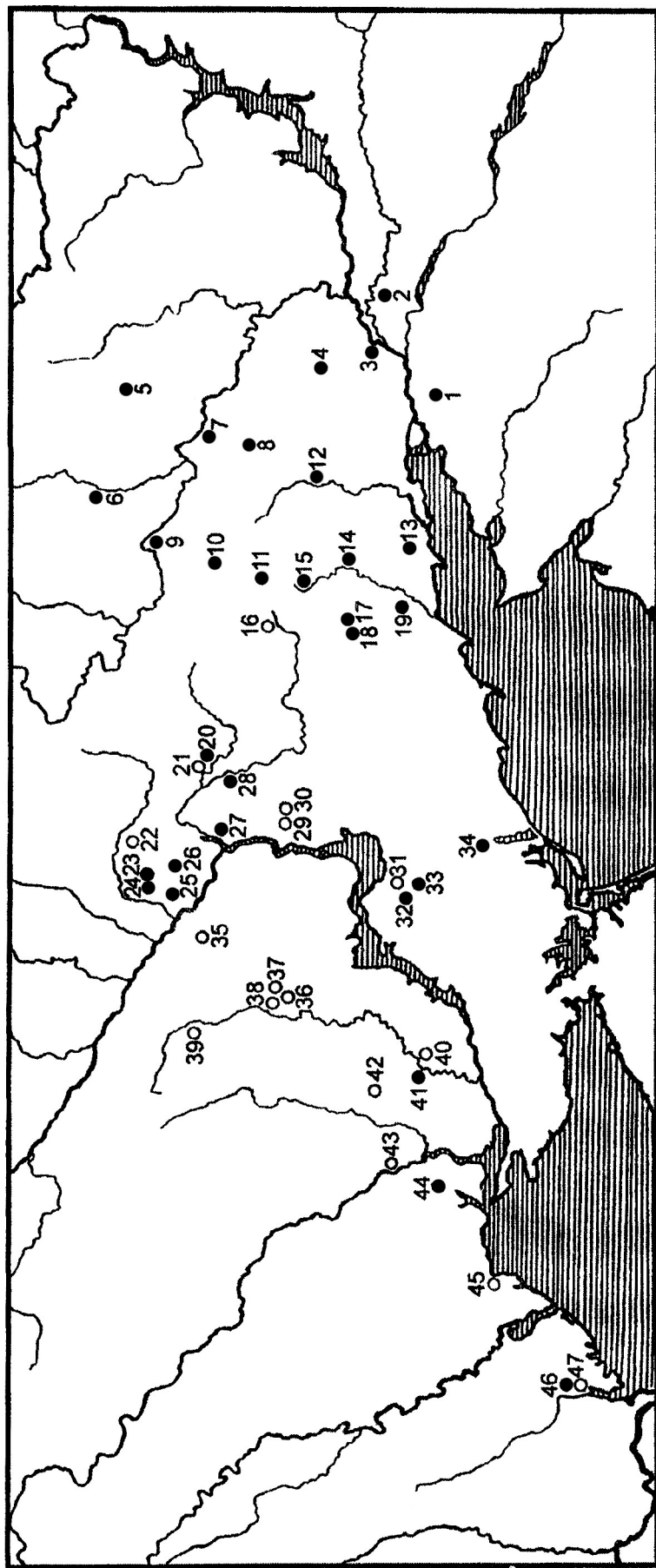

Рис. 5. Карта распространения деревянной посуды в памятниках округа Бабино: 1 – Аксай 1/3; 2 – Кузнецовский II 1/3; 3 – Поляков 4/2; 4 – Чикмари II 1/4; 5 – Нижнебараниковка 5/10; 6 – Новодонбасское 1/7; 7 – Поронские могилы 14/3; 8 – Македоново 1/8; 9 – Лисичанский НПЗ 2/12; 10 – Зайцево 1/1; 11 – Беева могила п.3; 12 – Дибровка 5/4; 13 – Самойлово 2/6; 14 – Новозарьевка 1/2; 15 – Высокое 3/5; 16 – Николаевка 1/8; 17 – Волноваха 1/2; 18 – Новоандреевка 1/1; 19 – Водяное 1/3; 20 – Благодатное VI 1/4; 21 – Вербки II 3/8; 22 – Пролетарское XXXII 3/4; 23 – Прядовка V 1/6; 24 – Прядовка VI 1/1; 25 – Новоподкряж I 1/1; 26 – Веселое XV 1/1; 27 – Александровка I 3/3; 28 – ш. Павлоградская V 1/6; 29 – Новогуляловка III 10/1; 30 – Новоукраинка II 3/12; 31 – М. Белозерка 12/2; 32 – Б. Белозерка 2/5; 33 – Новоалександровка 4/1; 34 – Новое 11/1; 35 – Боровковка 1/2; 36 – Ремонтирская могила п.6; 37 – Головковка 9/2; 38 – Павловка 27/2, 18; 31/1; 39 – Шарованская могила 3/2; 40 – Новосивановка 1/10; 41 – Новопетровское III 1/15; 42 – Ивановка 3/3; 43 – Слободка Романовка п.23; 44 – Белолесье 3/1; 45 – Кочковатое 28/2, 46 – Белолесье 3/1; 47 – Кочковатое 28/2.

Условные обозначения: ● - деревянные изделия с металлическими деталями; ○ - изделия без металлических деталей.

бронзовыми скрепами [80, с.140-141]. Впрочем, бронзовую скобочку из этого комплекса Л.В. Субботин относит к поясному украшению, а не детали деревянного сосуда [85, с.384], с учетом чего количество находок деревянной посуды с металлическими элементами сводится к нулю.

Особенной представляется ситуация в Среднем Поднепровье. Известные здесь группы памятников, включаемые в круг Бабино (вытянутые погребения в ямах и скорченные погребения в колодах), не дают находок деревянной посуды. Точнее сказать, известен лишь один случай, связанный с группой скорченных в колодах погребений, когда в составе инвентаря находился деревянный стакан-чашка (Боровковка 1/12) [28, с.112]. Возможно, это исключение объясняется тем обстоятельством, что боровковский комплекс является самым южным в своей обрядовой группе (в колодах) и территориально уже входит в ареал бабинских памятников с деревянной посудой (рис. 5, 35).

Социальная интерпретация погребений с деревянной посудой. Заранее оговоримся, что, вплотную не занимаясь вопросами социальных реконструкций на основе археологических материалов, в данном разделе ограничимся лишь формально-статистическими выкладками по источникам, их предварительным анализом и некоторыми замечаниями, связанными с их интерпретацией в археологической литературе.

В ходе анализа следует непременно учитывать факт неоднородности памятников круга Бабино и обусловленную этим обстоятельством целесообразность осуществления статистических подсчетов и обобщения данных дифференцированно, по культурно-территориальным группам, дабы не исказить объективность картины в каждом из регионов и в целом. До тех пор, пока не осуществлена предметная работа по культурно-таксономическому группированию памятников бабинского круга, будем придерживаться деления их на восточную (Днепро-Донскую), западную (Днепро-Прутскую) и северную (Среднеднепровскую) группы или области, хотя в пределах их возможна внутренняя дифференциация. Например, в западной области в перспективе могут быть выделены Днепро-Днестровская и Днестровско-Прутская группы. Учитывая отсутствие находок деревянной посуды в среднеднепровских памятниках, проведем сопоставление только по двум группам – восточной и западной. Результаты статистических подсчетов приведены ниже (табл. 2).

Таблица 1. Соотношение обрядово-инвентарных признаков для погребений с деревянной посудой восточной и западной групп Бабино*

Признаки	Восточная группа		Западная группа	
	абсол. кол-во	%	абсол. кол-во	%
Насыпи и досыпки	25	93	-	-
Без досыпок	2	7	11	100
Сложные конструкции	18	49	1	9
Дополнительный инвентарь	28	76	8	73
Кости животных	20	54	1	9

* Удельный вес тех или иных признаков вычислялся, исходя из общего количества комплексов, по которым известна соответствующая информация. Поэтому данные по различным графам не всегда соотносятся между собой.

Из таблицы видно, что по признаку наличия или отсутствия над погребением с деревянной посудой курганных насыпей (досыпок), Днепро-Донская область существенно отличается от Днепро-Прутской: 93% комплексов восточной группы сопровождались надмогильными сооружениями, в то время как все погребения западной группы являлись впускными без досыпок. В целом эти показатели отражают общие для сравниваемых культурных групп тенденции в курганном строительстве.

Менее контрастна, однако показательна, проверка по признаку сложности конструкции могильного сооружения. К сложным, в противовес простым ямам и подбоям, в данном случае отнесены каменные ящики, деревянные рамы и колоды. Среди захоронений восточной группы почти половина (49%) имели сложные погребальные конструкции, в то время как из западной группы в этом плане выделяется лишь один комплекс с колодой (9%), по сути относящийся к поздним среднеднепровским памятникам Бабино.

Интересные данные получены при сравнении комплексов с деревянной посудой по признаку наличия дополнительного инвентаря. Результаты оказались следующими: 76% погребений восточной группы, кроме деревянных сосудов, имели другие категории погребального приданого; в западной группе к таковым отнесены 73% захоронений. Однако близость показателей по удельному весу никоим образом не сближает рассматриваемые культурные группы, поскольку качественное содержание их весьма различается. Для днепро-прутских памятников дополнительный инвентарь почти во всех случаях представлен лишь костяной пряжкой. Комплексы же Днепро-Донской группы, кроме пряжек, имевшихся в 38% погребений, включали и другой, иногда сравнительно разнообразный и многочисленный инвентарь. Если не учитывать пряжки, то подобное погребальное приданое представлено в 24 комплексах (45%). Среди них выделяются такие, которые содержали производственный набор (1 случай) или отдельные орудия из камня и кремня (7), кремневые наконечники стрел (5), в том числе два колчаных набора, металлические изделия (4), украшения (3). Не менее показателен и тот факт, что в 29 случаях (74%) деревянная посуда из памятников восточной группы имела металлические декоративные или скрепляющие детали. Для западной группы Бабино известен только 1 (9%) такой случай, при имеющемся сомнении в функциональном предназначении изделия, а значит наличия в комплексе деревянного сосуда вообще.

В завершение сопоставительного анализа прокомментируем данные по признаку сопровождения погребений костями животных (мясной напутственной пищей, жертвоприношением или др.). Указанный элемент обрядности выявлен исключительно в памятниках Днепро-Донской группы: там более половины погребений с деревянной посудой (20 комплексов – 54%) сопровождалось костями животных, находившимися как в самой камере, так и за ее пределами. Последний вариант, обычно представленный специальным набором: кости четырех конечностей и череп лошади или коровы, интерпретируется как шкура-чучело животного [21, с.43-44; 23, с.56; 38; 67, с.57, 58; 81, с.104; и др.]. Лишь один комплекс (9%) Среднеднепровской группы Бабино, условно относимый к западной области, содержал кости животных.

Приведенные выше данные достаточно определенно свидетельствуют о том, что в восточной, Днепро-Донской, группе Бабино погребения с деревянной

посудой почти всегда отличаются одним или несколькими признаками неординарности. В Днепро-Прутской области Бабино практически все известные захоронения с деревянной посудой, кроме факта ее наличия, ничем не выделяются из массы рядовых. В качестве дополнительной информации, значимой и обычно привлекаемой в ходе социальных реконструкций, считаются половозрастные характеристики умерших. Традиционно, они немногочисленны: профессиональные антропологические определения известны только для 6 погребений (табл.1): 5 из них относятся к Днепро-Донской группе Бабино, 1 – к Среднеднепровской. Во всех этих случаях деревянная посуда сопровождала взрослых людей, из которых четверо – мужчины, а одна – женщина. Как известно, для раннего горизонта могильников Бабино Днепро-Донской области характерна дифференциация умерших по полу, проявляющаяся в комплексе обрядово-инвентарных признаков [58]. Используя указанные критерии, мы разбили весь массив ранних погребений восточной области (а ранних в ней подавляющее большинство) по половому признаку на две группы: мужчины – 32 погребения (91%), женщины – 3 погребения (9%). Примечательно, что единственное антропологическое определение по Среднеднепровской группе (в статистике условно относимое к «западной группе») связано с погребением молодого мужчины. Если же учесть устойчивую для всего ареала Бабино тенденцию тяготения костяных пряжек к мужским погребениям (при редких исключениях), то более половины захоронений западной группы по этому признаку можно также считать мужскими. Обратившись вновь к таблице 1 (№ 4, 15, 19), можно увидеть, что все три женских захоронения, в общем, ничем не отличаются и не уступают основной массе мужских по признакам «социальной значимости». Трудно их выделить и по типу сопровождаемой деревянной посуды: несмотря на то, что в женских погребениях сами деревянные емкости не сохранились, все они были снабжены металлической «прошивкой».

В качестве дополнительной информации можно заметить, что из имеющегося массива погребений круга Бабино с деревянной посудой, три являлись парными (относятся к Днепро-Донской группе). Во всех трех случаях захоронены взрослый и ребенок. Их трех взрослых один *антропологически* определен как женщина, два других по *обрядовым признакам* могут быть отнесены к мужчинам. Деревянная посуда в этих могилах всегда находилась перед взрослым индивидом, в то время как ребенок в двух случаях сопровождался астрагалами.

Интерпретация погребений с деревянной посудой не отличается разнообразием и, как правило, сводится к аксиоме о роли деревянной чаши в культе древних индоиранцев, где этот сосуд связан «с жертвенным возлиянием священного напитка хаомы (сомы)» [21, с.46; 23, с.27; 56, с.92; и др.]. Устойчивость рассуждений на данную тему в некоторой степени объясняется бытующим среди отдельных авторов мнением об отсутствии или ограниченности в обряде и инвентаре погребений Бабино (КМК) социально-разграничительных признаков и что здесь «единственно перспективным представляется предположение об особом положении лиц, сопровождавшихся в могилах деревянными чашами с обязательными украшениями из металла – накладками, обоймочками, просто проволокой, прошивавшей дерево под венчиком» [21, с.46-47]. С привлечением ведических текстов, скифского эпоса, некоторых других источников и авторитетного мнения Ж. Дюмезиля обычно делается вывод о том, что чаша являлась атрибутом жреческого сословия (касты), а потому «присутствие чаши в

ряде могил КМК <...> позволяет предположить в погребенных жрецов или людей, связанных с отправлением культа» [21, с.46; 23, с.27-28]. Не беру на себя смелость судить о корректности тех или иных суждений, а также общих выводов, поскольку не отношу себя к числу специалистов в области социальных реконструкций. Поделюсь лишь некоторыми сомнениями, возникающими в связи с частными вопросами методологии и методики подобных исследований. Например, далеко не всегда в процессе выделения жреческих погребений по признаку «наличие чаши» авторы обращают внимание на то, в какой степени «жреческому статусу» соответствуют иные компоненты обряда и инвентаря рассматриваемых комплексов. Порой смущает та легкость, с которой меняются эталоны и ориентиры в поиске удачных этнокультурных соответствий. Если, вдруг, кроме чаши, в погребении окажется оружие, например наконечники стрел, то ведическое общество с его «неподходящей» четырехуровневой социальной структурой, размежевывающей жрецов и воинов, оставляется в стороне, а привлекается скифское, в котором «погребениям вождей-жрецов» находится соответствие в виде царско-жреческого слоя (паралатов) [21, с.46]. Думается, не возникнет проблемы, если вместе с чашей будет находиться производственный набор или другие «нежреческие» атрибуты, поскольку в богатой и разнообразной истории первобытности и древности можно подобрать параллели и на этот случай. Но и тогда сохранится необходимость сделать «самое малое» - доказать соответствие привлекаемых социо-культурных аналогий тому обществу, которое оставило изучаемые нами археологические свидетельства. До тех пор, пока эта исследовательская процедура не будет доведена до конца, а такого может не произойти вообще, закономерным будет появление в науке не только в чем-то несовпадающих, но даже диаметрально противоположных точек зрения, в том числе на предмет выделения жреческой страты по признаку наличия деревянной чаши в скотоводческих обществах поздней первобытности и постпервобытности [21; 23; 33; 47; 56; 57; 59; 60; 73, с.86-88; 93; 94, с.7, 11; 95, с.142-143; 96, с.60-61; и др.].

Культурно-историческая ретроспектива.

В завершение аналитической части работы хотелось бы остановиться на проблеме происхождения и истоках традиции использования деревянной посуды в погребальном обряде культуры Бабино, которая уже нашла некоторое отражение в историографии. По сути своей, ставить вопрос о происхождении деревянной посуды вообще, как составляющей материального комплекса, предмета быта и культа любой культуры эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи вряд ли корректно [сравни: 77, с.150], поскольку деревянные емкости из-за сравнительной простоты и доступности в изготовлении, вероятно, были достаточно широко распространены в среде скотоводческих и скотоводческо-земледельческих обществ эпохи палеометалла. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные данные о находках деревянных сосудов в погребениях ямной, полтавкинской, катакомбных, бабинских, абашевских, синташтинской, срубных, киммерийской, скифской, сарматской и других культур. Иное дело, если рассматривать эту тему в плане поиска каких-либо достоверных, надежных параллелей, скажем, в использовании носителями различных культур особых типов посуды, способов (форм) употребления их в погребальном ритуале и т.п. В этом

отношении, например, достаточно конструктивным можно считать предложенный В.В. Отрощенко подход выделения различных *традиций изготовления* деревянных сосудов в эпоху бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы [59]. Анализируя имеющиеся данные, исследователь приходит к выводу о сложении в первой половине II тыс. до н.э. двух традиций использования металла при изготовлении и ремонте деревянной посуды: а) ямно-полтавкинско-синташтинской в Волго-Уральском регионе, использовавшей пластинки-оковки и гвоздики; б) катакомбной-КМК в Днепро-Донском регионе, где применялась лента-проволока [59, с.71]. По мнению В.В. Отрощенко, эта региональная специфика была нарушена в посткатакомбное (предсрубное) время, в период активных миграционных процессов, связанных со сложением колесничных культур и КМК, когда «произошло взаимообогащение традиций». В процессе же миграции носителей срубной культуры на запад волго-уральская традиция оформления деревянной посуды пластинчатыми оковками и гвоздиками утверждается в Поднепровье и Северном Приазовье. В последующем эта традиция, через белозерскую культуру, перешла в ранний железный век и прослеживается в киммерийской и скифской культурах [59, с.71-72]. При всей справедливости замеченных тенденций, они не могут быть абсолютизированы. Этому препятствуют не только количественная неравноценность сравниваемых по регионам и культурам источников (у В.В. Отрощенко, судя по ссылкам: 1 комплекс – ямной культуры, 1 – полтавкинской, несколько (?) – синташтинской Волго-Уралья, против десятков комплексов катакомбной, КМК и срубной культур Днепро-Донско-Волжского междуречья), но также материалы, не вписывающиеся в предложенную схему. Специально не занимаясь этим вопросом и не располагая достаточным массивом источников го раннему и среднему бронзовому веку, нам, тем не менее, удалось найти таковые примеры среди опубликованных в литературе материалов. Например, способ оформления венчика деревянной посуды металлической пластинкой с гвоздиками в Северном Причерноморье известен уже в раннекатакомбное время (Хамуш-Оба 2/9) [30, с.35, рис.1, 7]. Хотя и редко, продолжают встречаться экземпляры с пластинками-оковками также в развитом и позднем катакомбном периодах (Богучарский 2/9; Нижнебараниковка 5/9; Петрунино III 5/4) [8а, с.202, рис.35, 4; 36; 32, с.43, 46, рис.20, 3; 82, с.9, рис.5, 6; 83, с.130, рис.32, 4, 5], что и было замечено исследователями [95, с.143-144]. Да и в памятниках синташтинского круга, как выясняется после публикации ключевых памятников, весьма распространенной, если не преобладающей, является традиция использования при изготовлении или ремонте деревянных емкостей именно лент и скоб из металла, как и при ремонте керамики (Синташта СМ пп.6, 31, 39; СП пп.2, 7; Каменный Амбар-5 к.2 я.5; Солнце II к.5 м.я. 1) [11, с.139-140, 219-221, 231-234, 304-310, 318, 324; рис.61, 1; 105, 8, 9; 126, 15; 175, 2; 184, 3; 29, с.197, рис.21, 4; 17, с.29, 38, рис.11, 6].

По сути, говорить о сложении каких-то традиций использования металла в изготовлении деревянной посуды применительно к ямно-полтавкинско-раннекатакомбному времени нет достаточных оснований, поскольку для этого периода известны лишь единичные случаи находок указанных категорий изделий, рассеянные по всей южной половине Восточной Европы. По мнению В.В. Цимиданова, «сама по себе редкость данных изделий (сосудов с оковками – Р.Л.) в упомянутых культурах (по сравнению со срубной) позволяет считать, что к числу

важнейших ритуальных атрибутов они не относились и знаком принадлежности к какой-то сформировавшейся социальной группе не являлись» [95, с.144].* Лишь для развитого и позднего катакомбных периодов во всем ареале катакомбных культур утверждается устойчивая традиция ленточно-скобочного способа оформления (ремонта) деревянных емкостей при единичных случаях использования пластино-оковок [6, с.94; 8, с.52-54; 90, с.95-96, табл.3; и др.]. Именно ленточно-скобочная традиция «наследуется» культурами посткатакомбной эпохи – бабинской (КМК) и синташтинской**. Последнее обстоятельство, кстати, можно рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу участия катакомбного компонента в сложении Синташты Южного Зауралья и родственного ей культурного явления в Степном Приуралье [10, с.64-65; 51; 62, с.66-68; 74, с.127; 86, с.48-50; 92; и др.].

Древности культурного круга Бабино демонстрируют очень сильную генетическую связь с предшествующим позднекатакомбным пластом. Особенно наглядно, причем по целому комплексу признаков, эта преемственность проявляется для памятников Днепро-Донской области [41]. Традиция же использования в погребальном обряде деревянной посуды также входит в список катакомбно-бабинских параллелей. Достигнутый уровень исследованности указанных культурных образований уже позволяет говорить об интересующем нас аспекте преемственности не вообще [66, с.15, рис.; 77, с.150], а более конкретно и дифференцированно. В частности, в археологическом формопроявлении (без отождествления семиотического статуса, который остается для нас малодоступным) связь Днепро-Донской группы Бабино с позднекатакомбными группами (среднедонской, бахмутской, маньчской) фиксируется в сохранении традиции сопровождения отдельных умерших деревянными сосудами типа чаш-мисок, в том числе с металлической ленточной или скобочной «прошивкой», а также деревянными изделиями типа шкатулок с металлическими деталями (скрепами). В то же время, в бабинских памятниках не получила распространения хорошо известная по позднекатакомбным памятникам Северского Донца, Нижнего Подонья и Степного Предкавказья практика помещения в захоронения крупных деревянных блюд-подносов, часто прямоугольной формы [8, с.52-54; и др.]. Единично известные миниатюрные блюда из бабинских погребений не идут ни в какое сравнение с катакомбными экземплярами. Остаются неизвестными для бабинских комплексов и деревянные ковши с ручками, присутствующие в катакомбном инвентаре. Заметим также, что в бабинских погребениях ни разу не встречены и такие специфические деревянные емкости, как футляры для хранения

* Правда, В.В. Цимиданов к числу этих культур относит и синташтинскую, основываясь на материалах одного эпонимного могильника: «На фоне обилия изделий из металла и разнообразия престижных предметов лишь в одном погребении были бесспорные накладки на чашу, причем не в могиле, а на перекрытии ее <...>, то есть перед нами иная традиция, иное отношение к чаше, чем в срубной культуре» [95, с.144-145]. Вероятно, такой вывод был обусловлен ограниченностью доступных исследователю источников и потому нуждается в корректировке. В подтверждение сказанного сошлюсь лишь на материалы известного Большекараганского могильника, давшего сразу три находки бронзовых пластинчатых оковок (обкладок) деревянных сосудов, происходящих из одного кургана 24: яя.1, 2, 9-1 [5, с.79, 81, 84; рис.17, 14; 18, 2; 23, 4].

** Кроме того, серия находок в памятниках синташтинской культуры пластинчатых оковок деревянных сосудов, видимо, позволяет включать ее, наряду с раннепокровскими древностями, в ту культурную среду, которая породила и передала соответствующую традицию оформления деревянной посуды в срубную культуру, что вполне согласуется с современными представлениями о культурогенезе эпохи поздней бронзы.

инструментов, присутствующие в некоторых из катакомбных захоронений «ремесленников» [8, с.53; 43, с.145; и др.]. Вместе с тем, в материальном комплексе Бабино появляется такой новый тип изделий, как составные емкости (посуда, шкатулки), как будто не известный в катакомбное время. Возможно, перечень катакомбно-бабинских параллелей и отличий по части использования в погребальном обряде деревянной посуды в действительности был более широким, однако характер доступных источников оставляет их вне нашей досягаемости.

Широкое распространение на юге Восточной Европы «моды» украшать деревянную посуду (и не только чаши, но также блюда-подносы и стаканы-чашки) пластинчатыми оковками относится уже к эпохе поздней бронзы и, действительно, может быть связано с процессом сложения срубной культурно-исторической общности. Наличие этого технологического и/или эстетического приема оформления посуды в ранних памятниках покровской срубной культуры Поволжья и отсутствие такового в культуре Бабино наводит на мысль о восточных истоках данного явления применительно к памятникам Причерноморья [95, с.144, 145]. Однако при этом нельзя не заметить того обстоятельства, что наибольшего развития и расцвета традиция оформления деревянной посуды металлом получила в бережновско-маевской срубной культуре западных регионов, в частности Днепро-Донецкого междуречья [95, с.145-146]. Именно эта область удивительным и, видимо, неслучайным образом совпадает с ареалом той части культуры Бабино, в которой сосредоточена основная масса деревянной посуды вообще, а с металлическими деталями в частности, что становится очевидным при сопоставлении карт, приведенных в настоящей статье (рис. 5) и работе по срубным чашам В.В. Цимиданова [95, рис.2]. Для этих территорий, в частности бассейна Северского Донца и Днепровского Предстепья, исследователи выделяют комплекс черт преемственности между бабинской (КМК) и срубной культурами, среди которых называют обычай сопровождения некоторых умерших деревянными сосудами, в том числе с металлическими деталями [24, с.11; 34, с.146]. Однако в литературе высказано несогласие с последним тезисом, в пользу которого приведены такие аргументы: «... стало ясно, что срубные чаши вряд ли являются наследием КМК. Во-первых, деревянные сосуды КМК – иные. Здесь – проволока и скрепы, а не оковки, тяготеющие к венчику. Кроме того, посуда КМК нередко собрана из разных деревянных частей, а срубные чаши – долбленые. Во-вторых, чаши КМК встречены лишь в погребениях ранних этапов этой культуры (I и II этапы по периодизации О.Р. Дубовской), а в погребениях III этапа их уже нет. Чаши в КМК не встречаются с пряжками позднего типа с бортиком вокруг центрального отверстия» [95, с.144]. В связи с приведенной цитатой можно высказать следующие комментарии. Во-первых, как было показано выше, составные (наборные) емкости в культуре Бабино (КМК) встречаются довольно редко, а отнесение их к посуде остается под знаком вопроса. Собственно же чаши бабинской культуры, как и срубной, по технологии также долбленые. Во-вторых, на это уже обращалось внимание выше, несмотря на тяготение к ранним памятникам, чаши встречаются на протяжении всех этапов культуры Бабино, в том числе вместе с пряжками самых поздних типов: овальные в плане, изогнутые в сечении, с дополнительным малым отверстием (тип 4 по нашей классификации [35, с.48]), в чем можно убедиться на основании данных приведенной выше табл.1. А потому хронологического разрыва между чашами сменяющих одна другую бабинской и срубной культур не

наблюдается. В-третьих, говоря о преемственности традиций между бабинской и срубной культурами, мы имели в виду именно *практику сопровождения* отдельных умерших деревянными сосудами (в том числе чашами) с металлическими деталями. Что же касается формы и способа оформления посуды металлической пластинкой-оковкой, то он в памятниках срубной культуры Надчерноморья, действительно, не мог появиться из предшествующей культурной среды и, по всей видимости, может быть связан с восточным культурно генерирующим срубным импульсом. Однако все дело в том, что импульс этот, достигнув областей Левобережной Украины, если можно так выразиться, «попал в благоприятную среду» с устойчивой многовековой традицией (пусть и несколько отличной в деталях) изготовления и использования в погребальном ритуале украшенной металлом деревянной посуды. На наш взгляд, эти очевидные причинно-следственные связи как нельзя лучше объясняют «наибольший всплеск культа чаши» именно в западных регионах срубной области, нежели предположение о миграции «идеологов»-жрецов из Поволжья на запад [95, с.145-146]. А потому вывод об «отсутствии истоков культа чаши в предсрубных памятниках Украины» [95, с.146], нуждается в принципиальной корректировке. В дополнение к сказанному, обратим внимание на то, что ведь срубная культура Украины демонстрирует своеобразный «пик активности» по использованию в погребальном обряде не только чаш, а деревянной посуды вообще. К тому же здесь достаточно массово представлены такие разновидности деревянных емкостей, которые не известны или единичны в других регионах срубного мира. Наиболее показательными в этом отношении являются разнообразные по формам и размерам блюда-подносы, в том числе украшенные металлическими пластинчатыми оковками [36]. Привнесенными из Поволжья они считаться не могут, поскольку отсутствовали там. Однако блюда-подносы хорошо представлены в местных досрубных горизонтах, особенно позднекатакомбном. Возрождаясь в срубную эпоху, они, несколько видоизменяются и, подобно чашам, в соответствии с «восточной модой», приобретают металлические украшения из *пластин*, вместо использовавшихся ранее лент-прошивок и скоб. И хотя, как обычно, объяснить «механизм» этой преемственности непросто, расценивать приведенные данные, в ряду с им подобными, как случайное совпадение, уже не представляется возможным.

В связи с надежно установленным фактом не типичности для материального комплекса Бабино деревянной посуды, да и других деревянных изделий с *пластинчатыми оковками*, имеет смысл в очередной раз коснуться проблемы культурной атрибуции известного Бородинского (Бессарабского) клада. Напомним, что сторонники отнесения его к культуре многоваликовой керамики (бабинской) в перечне приводимых аргументов указывают на то, что «все предметы, входящие в состав Бородинского клада (за исключением булавки), повторяются в других комплексах КМК», в том числе «две бронзовые пластинки, служившие оковкой какого-то деревянного предмета, скорее всего чаши» [2, с.12]. Однако в свое время В.В. Отрошенко обращал особое внимание на то, что бронзовые оковки чаши из Бородино, как и копьё с вильчатым стержнем, имеют восточное происхождение, ибо «деревянные сосуды культуры многоваликовой керамики не украшались обычно бронзовыми пластинами», то есть, развивали отличную от срубной культуры традицию оформления изделий металлом [56, с.91]. По большому счету,

увязывание Бородинского клада с культурой Бабино (КМК) мотивируется лишь двумя непреложными обстоятельствами: хронологическим и географическим соответствиями, которых, следует признать, все же недостаточно для *культурной атрибуции* комплекса. Если исходить из современного уровня знаний, то по всем остальным показателям, а именно по составу входящих в набор предметов, бородинская находка представляется больше чуждой культурному кругу Бабино, нежели связанной с ним. Учитывая же характер и особенности накопления кладов, (если это вообще остатки клада, а не погребения, как считает ряд авторов [56, с.91; 96, с.74; и др.]), особенно кладов длительного накопления, ставить вопрос о культурной идентификации и надеяться на его однозначное разрешение вряд ли возможно. Впрочем, это тема особого разговора.

Заключение

Подводя итог изложенному, можно констатировать следующее. Одной из категорий материального комплекса культуры Бабино являлась разнообразная деревянная посуда. В составе погребального инвентаря она представлена несколькими типами: чаши-миски, стаканы-чашки, блюда. Особо выделяются деревянные емкости, не являвшиеся посудой и которые можно отнести к типу шкатулок. Практика сопровождения захоронений таким приданым, полагавшимся далеко не каждому умершему, была распространена в пределах культурной области Бабино неравномерно и не повсеместно. Наблюдающаяся в этом отношении дифференцированность связана с внутренней гетерогенностью и, очевидно, должна объясняться различиями в «механизмах» сложения культурных групп Бабино, в том числе их различиями на субстратно-генетическом уровне. В частности, основной массив находок деревянной посуды сосредоточен в памятниках восточной, Днепро-Донской, группы Бабино, что может быть расценено как сохранение предшествующих местных традиций катакомбного времени. Западная (Днепро-Прутская) и северная (Среднеднепровская) группы Бабино, как и предшествующие им культурные образования среднебронзового века, не демонстрируют устойчивой практики использования деревянной посуды в погребальном обряде. Надежность сделанных наблюдений подтверждается сравнительным анализом соответствующих позднекатакомбных и бабинских групп, проведенным по другим параметрам погребальной обрядности и материальной культуры. Несмотря на всю очевидность выявленных катакомбно-бабинских параллелей сделанные нами заключения следует считать предварительными. Более или менее окончательные выводы можно будет предложить лишь после проведения аналогичной работы по систематизации и картографированию источников (комплексов с деревянной посудой) для каждой из выделяемых позднекатакомбных групп (культур), а затем соотнесения полученных результатов с данными по сменяющим их древностям круга Бабино и параллельных посткатакомбных образований.

Традиция изготовления деревянной посуды с использованием ее в погребальной практике находит свое продолжение и развитие в период позднего бронзового века, что соответствующим образом проявляется при сопоставлении между собой памятников различных регионов срубной культурно-исторической области и корреляции полученных данных с материалами предшествующих периодов. При этом оказывается, что наибольший расцвет интересующее нас

явление получает в юго-западном регионе срубного мира, в памятниках бережновско-маевской срубной культуры Днепро-Донецкого междуречья, где местная вековая традиция включать в состав погребального приданого разнообразную деревянную посуду дополняется привнесенной покровской срубной культурой с востока «модой» украшать ее фигурными пластинчатыми оковками из бронзы, заменившими использовавшиеся ранее металлические ленты и скобы. Пластинчатая традиция оформления деревянной посуды в исторической перспективе дожила до раннего железного века и нашла воплощение в памятниках киммерийской и скифской культур.

Литература

1. Антоненко Б.А., Пиоро И.С., Самойленко Л.Г. Отчет о работе Ворошиловградской археологической экспедиции КГУ в 1989 г. // НА ІА НАН України. - № 1989/153.
2. Березанская С.С. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наук. думка, 1986. – С.5-43.
3. Березанська С.С., Отрощенко В.В. Бронзовий вік // Давня історія України: В 3-х т. – Київ: Наук. думка, 1997. – Т.1. – С.384-496.
4. Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Ковалев К.В., Воронцов Д.О. Отчет о работе Приазовской новостроечной экспедиции 1983 г. // НА ІА НАН України. - № 1983/3.
5. Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск, 1996. – С.64-88.
6. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 251 с.
7. Братченко С.Н. Отчет об исследованиях Донецкой экспедиции в 1977 г. // НА ІА НАН України. - № 1977/12А.
8. Братченко С.Н., Санжаров С.М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонеччини та Донщини III тис. до н.е. – Луганськ, 2001. – 108 с.
- 8а. Братченко С.Н. Могилы бронзової доби в басейні р. Деркул // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. - № 1. – Луганск: ВУНУ, 2003. – С.162-225.
9. Вангородская О.Г. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наук. думка, 1987. – С.38-48.
10. Виноградов Н.Б. Синташтинско-петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. – Челябинск, 1999. – С.64-66.
11. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: В 2-х ч. – Челябинск: Юж. - Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч.1. – 408 с.
12. Давня історія України: У 2-х кн. – Київ: Либідь, 1994. – Кн.1. – 237 с.
13. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Рус. яз., 1981- 1982. – Т.І. А-З. – 699 с.; Т.ІІ. И-О. – 779 с.; Т.ІІІ. П. – 555 с.; Т.ІV. Р-В. – 683 с.
14. Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. – Кишинев: Штиинца, 1986. – 222 с.

15. Добровольский А.В. Раскопки кургана в предместье Одессы. Слободка-Романовка // ЗООИД. – 1915. – Т.32.
16. Дубовская О.Р., Гнатко И.И., Кульбака В.К., Швецов М.Л. Отчет об исследованиях Северскодонецкой экспедиции в 1981 г.
17. Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск, 1996. – С.22-42.
18. Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1990. – 448 с.
19. Клименко В.Ф. Курганы юга Донетчины. – Енакиево, 1998. – 218 с.
20. Ковалева И.Ф. Исследования археологических памятников в зоне строительства Магдалиновской ОС в 1978 г. // НА ІА НАН України. - № 1978/43.
21. Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. – Днепропетровск: ДГУ, 1981. – 78 с.
22. Ковалева И.Ф. История населения пограничья лесостепи и степи Левобережного Поднепровья в позднем энеолите – бронзовом веке: Рукопись дис. ... д-ра ист. наук. – Днепропетровск, 1987 // НА ІА НАН України. – Ф.12. - Оп.2. - № 653. – Т.І. – 609 с.; Т.ІІ. – 161 с.
23. Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). – Днепропетровск: ДГУ, 1989. – 89 с.
24. Ковалева И.Ф. Соотношение культур многоваликовой керамики и срубной в Днепровском Предстепье // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы: Тез докл. 1-го всесоюзного полевого семинара: В 2-х кн. – Киев, Николаев, Южноукраинск, 1997. – Кн.1. – С.10-11.
25. Ковалева И.Ф., Волкобой С.С. Срубные курганные могильники Нижнего Приорелья // Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.) – Вып.2. – Днепропетровск: ДГУ, 1978. – С.32-45.
26. Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Костенко В.И., Шалобудов В.Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» (Днепропетровского сельскохозяйственного института) // Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.) – Вып.2. – Днепропетровск: ДГУ, 1978. – С.4-31.
27. Ковалева И.Ф., Ромашко В.А. Археологические исследования на площадях шахт Западного Донбасса в 1982 г. // НА ІА НАН України. - № 1982/50а.
28. Ковалева И.Ф., Шалобудов В.Н. Курган эпохи бронзы у с. Боровковка // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Вып. III. – Запорожье, 1992. – С.105-114.
29. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара: Сам ГПУ, 1995, - С.156-207.
30. Кравец Д.П. К вопросу о деревообработке у племен донецкой катакомбной культуры // Донецкий археологический сборник. – Вып. 2. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. – С.29-39.
31. Кульбака В.К. Отчет об исследованиях курганов у с. Высокое Макеевского горсовета Донецкой обл. в 1988 г. // НА ІА НАН України.
32. Кульбака В., Качур В. Соматичні культури бронзового віку півдня Східної Європи. – Маріуполь, 1998. – 60 с.

33. Левченко В.Н., Чередниченко Н.Н. О некоторых аспектах социальной структуры срубного общества в середине II тыс. до н.э. // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. конф. – Кировоград, 1987. – Ч.2. – С.8-10.
34. Литвиненко Р.А. О степени преемственности погребального обряда предсрубного горизонта и срубной культуры в бассейне Северского Донца // История и археология Слободской Украины: Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф. – Харьков, 1992. – С.145-147.
35. Литвиненко Р.А. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тез. докл. и матер. российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого археолог. семинара. – Вып. 2. – Воронеж, 1996. – С.46-50.
36. Литвиненко Р.А. Деревянная посуда в погребениях срубной культуры Азово-Донецкого региона // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. междунар. науч. конф. – Саратов: СГУ, 1997. – С.106-109.
37. Литвиненко Р.А. Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: Матер. 3-го украинско-российского полевого археол. семинара. – Киев, Перевальск, Воронеж, 1997. – С.30-33.
38. Литвиненко Р.А. Об одной параллели в погребальном обряде скотоводческих племен эпохи бронзы Днепро-Донецкого региона // Матеріали вузівської наук. конф. професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідницької роботи. – Кн.1. – Донецьк: Дон ДУ, 1997. – С.10-13.
39. Литвиненко Р.А. Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики // Матеріали міжнародної археологічної конференції “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам’яного віку по ранне середньовіччя)”. – Дніпропетровськ, 1999. – С.83-86.
40. Литвиненко Р.О. Про виділення первинного осередку культури Бабине (КБК) // Праці наукової конференції Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 1999-2000 рр. – Донецьк: Дон НУ, 2001. – С.38-40.
41. Литвиненко Р.А. Катакомбное наследие в бабинской культуре // Степи Евразии в древности и средневековье: Матер. Междунар. науч. конф. – Кн. 1. – СП б., 2002. – С.183-190.
42. Ляшко С.М. Деревообробне, косторізне, шкіряне виробництва доби бронзи України: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Київ, 1993. – 21 с.
43. Ляшко С.Н. Деревообрабатывающее производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. – Киев: Наук. думка, 1994. – С.133-151.
44. Магомедов Р.Г. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1998. – 378 с.
45. Марина З.П., Ромашко В.А. Археологические исследования в зонах строительства орошения к-за им. Ульянова Павлоградского р-на, к-за им. Котовского и с-за им. 50-летия ВЛКСМ на площадях подработки шахт Западного Донбасса // НА ІА НАН України. – №1986/52.
46. Марина З.П., Ромашко В.А., Фещенко Е.Л. Курганы эпохи бронзы Среднего Присамарья // Проблемы археологии Поднепровья. – Вып.3. – Днепропетровск: ДГУ, 1986. – С.4-36.

47. Медведев А.П. Об атрибуции «жреческих» погребений у ираноязычных номадов II-I тысячелетия до н.э. // Исторические записки. – Вып.2. – Воронеж: ВГУ, 1997. – С.165-171.
- 47а. Мельник А.А. Отчет Криворожского историко-краеведческого музея о раскопках 1984 г. // НА ІА НАН України. - № 1984/94. – 78 с.
- 47б. Мельник А.А. Отчет Криворожского историко-краеведческого музея о раскопках 1986 г. // НА ІА НАН України. - № 1986/53. – 102 с.
48. Мельник А.А. Отчет Криворожского музея о раскопках 1988 г. // НА ІА НАН України. - № 1988/214. – 52 с.
49. Моруженко А.А., Посредников В.А., Привалов А.И., Зарайская Н.П. Археологические работы Донецкого госуниверситета в Донбассе в 1981 г. // Науковий архів ІА НАН України. – 1981/132.
50. Моруженко А.А., Зарайская Н.П., Кравец Д.П., Литвиненко Р.А., Евглевский А.В., Шепко Л.Г. Отчет об археологических исследованиях курганов в Донецкой обл. в 1989 г. // НА ІА НАН України. - № 1989/52.
51. Нелин Д.В. Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // Историко-археологические изыскания. – Самара, 1996. – С.89-91.
52. Нечитайло А.Л. Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. – Киев: Наук. думка, 1991. – 115 с.
53. Никитин В.И., Рубан В.В. Отчет о работе Ингулецкой степной экспедиции Николаевского краеведческого музея в 1973 г. // НА ІА НАН України. - № 1973/63а. – 49 с.
54. Никитин В.И. Работы Николаевского краеведческого музея // АО 1973 года. – М.: Наука, 1974. – С.317.
55. Ожегов С.А. Словарь русского языка. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
- 55а. Отрощенко В.В. Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1981 // НА ІА НАН України. – Ф.12. – Оп.2. - № 598.
56. Отрощенко В.В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. – Вып.1. – Днепропетровск: ДГУ, 1984. – С.89-93.
57. Отрощенко В.В. К проблеме выделения «жреческих» комплексов среди погребений срубной КИО // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. – Херсон, 1990. – С.72-73.
58. Отрощенко В.В. О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины: Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф. – Харьков, 1992. – С.163-165.
59. Отрощенко В.В. Традиция изготовления деревянных сосудов в эпоху бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. междунар. науч. конф. – Мелитополь, 1992. – С.71-72.
60. Отрощенко В.В. «Жреческие» комплексы в системе погребений срубной общности // Археологічні та історичні дослідження Херсонщини. – Херсон, 1993. – С.17-31.
61. Отрощенко В.В. В защиту сакральной функции // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: Тез. докл. науч. конф. – Липецк, 1999. – С.21-23.

62. Отрощенко В.В. К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск, 2000. – С.66-72.
63. Отрощенко В.В., Болтрик Ю.В., Ляшко С.Н., Никитенко М.М., Попандопуло З.Х., Савовский И.П., Томашевский В.А., Шелапов С.М., Шилов Ю.А., Шкарбан А.С. Отчет Запорожской экспедиции за 1975 г. // НА ІА НАН України. - № 1975/2. – 194 с.
64. Отрощенко В.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Савовский И.П., Томашевский В.А. Отчет Запорожской экспедиции за 1976 г. // НА ІА НАН України. - № 1976/6. – 148 с.
65. Писларий И.А. Отчет о работе Северско-Донецкой новостроечной экспедиции // НА ІА НАН України. - № 1973/9В.
66. Писларий И.А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983. – 22 с.
67. Писларий И.А. Погребальный обряд культуры многоваликовой керамики // Древняя история населения Украины. – Киев, 1991. – С.52-66.
68. Писларий И.А. Деревообработка в эпоху средней бронзы в лесостепи Восточной Украины // Хозяйство древнего населения Украины: В 2-х ч. – Киев, 1995. – Ч.2. – С.196-210.
69. Писларий И.А., Гераськова Л.С., Дубовская О.Р., Смирнов А.М. Исследования Северско-Донецкой экспедиции // АО 1977 г. – М.: Наука, 1978. – С.374-375.
70. Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. - № 2. – Донецк, 1993. – С.35-98.
71. Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова А.В. Курганы Верховьев Ингульца. – Ыш.3. – Кировоград, 1994. – 95 с.
72. Попандопуло З.Х., Шмакова О.А. Курганные могильники у сел Овчарное Новоукраинка Вольнянского района // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. – Вип. VII. – Запоріжжя, 1999. – С.155-171.
73. Посредников В.А. О гностицизме в методологии интерпретации источников // Донецкий археологический сборник. – Вып.8. – Донецк: Истоки, 1998. – С.71-162.
74. Потемкина Т.М. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона // СА. – 1990. - № 1. – С.118-130.
75. Привалов А.И., Андриенко В.П., Моруженко А.А. Отчет новостроечной экспедиции Донецкого госуниверситета за 1978 г. // НА ІА НАН України. - № 1978/73.
76. Привалов А.И., Литвиненко Р.А. Памятники культуры многоваликовой керамики в бассейне р. Мокрая Волноваха // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): Матер. междунар. конф.: В 2-х ч. – Донецк, 1996. – Ч.1. – С.76-78.
77. Пятых Г.Г. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. – 1984. - № 2. – С.146-154.
78. Раев Б.А. Отчет о раскопках курганов в Октябрьском р-не Ростовской области в 1985 г. // НА ІА РАН.
79. Рассамкин Ю.Я., Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., Ляшко С.Н., Салий Н.Г., Кравченко С.Н., Ковалев Н.В., Николова А.В. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1982 г. // НА ІА НАН України. - № 1982/2. – 206 с.
80. Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). – Кишинев: Штиинца, 1992. – 226 с.

81. Самойленко Л.Г. Общие черты в деталях погребального обряда у племен энеолита и бронзового века степной Украины // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тез. докл. обл. научно-практич. конф. – Луганск, 1990. – С.103-105.
82. Сергацков И.В. Памятники эпохи средней бронзы на р. Иловле // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. – Вып.3. – Волгоград, 1999. – С.5-30.
83. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: ВГПУ, 1996. – 351с.
84. Субботин Л.В. Деревянные изделия раннебронзового века из курганов юга Одесской области // Краткие сообщения Одесского археологического общества. – Одесса, 1994. – С.67-74.
85. Субботин Л.В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum Plus. – СПб б., Кишинев, Одесса, 2000. - № 2. – С.350-387.
86. Ткачев В.В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск, 2000. – С.37-65.
87. Тощев Г.Н. Средний период бронзового века юго-запада СССР: Деп. в ИНИОН АН СССР. - № 29903. – Запорожье, 1987. – 128 с.
88. Тощев Г.Н., Сапожников И.В. Курганы у станции Фрикацей в низовьях Дуная // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Вып. I. – Запорожье, 1990. – С.13-30.
89. Узянов А.А. Курган 1 Кузнецовского II могильника // Древности Дона. – М.: Наука, 1983. – С.128-163.
90. Фещенко Е.Л. Изделия из металла в катакомбных погребениях Днепровского Предстепья // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1992. – С.84-101.
91. Фіалко О.Є. Чаша // Словник-довідник з археології. – Київ: Наук. думка, 1996. – С.299-300.
92. Халяпин М.В. К вопросу о культурной принадлежности памятников среднего бронзового века Степного Приуралья // XIV Уральское археологической совещание: Тез. докл. – Челябинск, 1999. – С.107-108.
93. Циміданов В.В. Час виникнення легенди про походження скіфів (перша версія Геродота) // Археологія. – 1992. - № 1. – С.31-38.
94. Циміданов В.В. Соціальний розвиток населення зрубної культурно-історичної спільноти (за матеріалами поховальних пам'яток Східної України): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Київ, 1997. – 22 с.
95. Цимиданов В.В. Загадки срубных чаш // Донская археология. – 2000. - № 3-4. – С.142-148.
96. Чередниченко Н.Н. Срубная культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наук. думка, 1986. – С.44-82.
97. Чернявская Н.В. Погребения культуры многоваликовой керамики в Днепровском Левобережье // Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. – Вып.3. – Днепропетровск: ДГУ, 1979. – С.88-97.
98. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балущкин А.М., Гребенников Ю.Г., Довженко Н.Д., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н., Ребедайло Г.П. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1977 г. // НА ІА НАН України. – 1977/15.

99. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Ключинцев В.Н., Елисеев В.Ф. Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1984 г. // НА ІА НАН України. - № 1984/9. - Ч.ІІ. - 223 с.
100. Шапошникова О.Г., Балущкин А.М., Гребенников Ю.С., Довженко Н.Д., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н., Товкайло Н.Т., Солтыс О.Б., Фоменко В.Н. Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1988 г. // НА ІА НАН України. - № 1988/18. - 127 с.
101. Швецов М.Л. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области // НА ІА НАН України. - № 1981/108. - 14 с.
102. Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964-1965) // МАСП. - 1970. - Вып.6. - Ч.1. - С.5-115.